

ПОДПИСНАЯ ЦІНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
" съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
" съ пересылкою . . . 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавца Соловьевъ и
А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

ГОДЪ. ТОМЪ II. № 48.

22 НОЯБРЯ 1869 г.

Журналъ ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ выходитъ еженедѣльно въ форматѣ большого двойного листа въ 16 страницъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦІИ

ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ

[ГЕРМАНА ГОППЕ] НАХОДИТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМЪ
ИЛЬИНА, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и вѣщая политика. — Внутрення извѣстія. — Изъ жизни Сербовъ. (Продолженіе). — Тяжолые дни Далматскихъ славянъ. — Юбилей Киевской духовной академіи. — Біографическая свѣдѣнія объ архіереяхъ, присутствовавшихъ на юбилей Киевской духовной академіи. — Выставка собакъ и мелкихъ животныхъ въ октябрѣ 1869 года въ С.-Петербургѣ. — Бакланы береговъ Гудсонова залива. — Фельетонъ. — Объявленія.

РИСУНКИ: Курители опіума. Картина В. В. Верещагина. — Далматское восстание: 1) Типы Бахезовъ. — 2) Взятіе далматами форта «Станевичъ». — Патеръ Гіацінть. — Киевъ: 50-тилѣтний юбилей духовной академіи: 1) Братскій монастырь; 2) Арсеній, митрополитъ Киевский; 3) Архіереи, присутствовавшіе на юбилей Киевской духовн. акад. (8 порт.). — Сербскіе виды и типы: 1) Набережная Дуная въ Смедерево. — 2) Крѣпость Соколь. — Бакланы береговъ Гудсонова залива. — С.-Петербургъ: Выставка собакъ и мелкихъ животныхъ въ октябрѣ 1869 г.

Внутрення и вѣшная политика.

18-го ноября 1869 года.

Запасъ фактическихъ новостей, по части внутренней политики, былъ необыкновенно скученъ за послѣднюю недѣлю. Это, однако, вовсе не можетъ служить признакомъ застоя нашей политической жизни. Никогда, напротивъ, не ходило въ нашемъ обществѣ столько самыхъ оживленныхъ и самыхъ разнородныхъ толковъ политического свойства и при томъ толковъ, касающихся самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ; но передавать всѣ эти толки въ нашемъ обозрѣніи мы считаемъ неудобнымъ. О главныхъ изъ нихъ всякия разсужденія были бы преждевременны и неумѣстны. Мы упомянемъ только здѣсь о слухѣ, касающемся назначенія посломъ въ Вѣну, нашего нынѣшняго посланника при бѣльгійскомъ дворѣ, князя Орлова. Въ послѣдніе годы, какъ известно, наши дипломатическія сношенія съ австрійско-венгерскимъ правительствомъ находились на той степени, которая знаменуетъ собою, если не полную размолвку, то значительное охлажденіе между двумя правительствами. Настоящихъ пословъ, т. е. дипломатическихъ агентовъ того сана, который присвоенъ представителямъ извѣстнаго правительства при извѣстномъ дворѣ, ни Австрія, ни Россія не имѣли при петербургскомъ и вѣнскомъ дворахъ. Ихъ мѣсто занимали простые «поваренные въ дѣлахъ» (*chargés d'affaires*), которымъ вообще поручаются самыя обиходныя

Курители опіума. Картина В. В. Верещагина.
(Рисовалъ на деревѣ И. С. Пановъ; гравировалъ Л. А. Сѣряковъ),

сношениі. Поэтому-то мы и останавливаемся на слухахъ (сообщенныхъ, впрочемъ, изъ иностранныхъ источниковъ и до сихъ поръ еще не подтвержденныхъ) о назначении князя Орлова въ Вѣну, слуховъ, съ которыми совпадаютъ слухи о назначении графа Хотека австрийскимъ посломъ въ Петербургъ. Если слухи эти оправдаются, изъ нихъ надо будетъ вывести то заключеніе, что въ Австрии, наконецъ, поняли необходимость болѣе близкихъ и дружественныхъ отношеній къ Россіи. Намъ русскимъ, собственно говоря, нѣтъ никакой особенной причины черезъ-чуръ радоваться подобному событию, если только оно совершиется.

Австрийское правительство до сихъ поръ обнаруживаетъ не только свою полную неспособность ладить съ подвластными ему славянами, но еще и странное неумѣніе справляться съ частными вспышками сопротивленія его власти со стороны этихъ славянъ. Далматское восстание, о скромѣй подавлѣніи которого уже давно прокрутили на всю Европу австрийскія офиціозныя газеты—и до сихъ поръ остается не подавленнымъ. Мало того, австрийскія войска, посланныя въ каттарскія ущелья, оказались положительно неспособными справиться съ инсургентами. Послѣ нѣсколькоихъ тщетныхъ усилий проникнуть въ горы, они ретировались отъ укрѣпленныхъ позицій бокезцовъ, и заняли наблюдательный постъ въ ожиданіи весны. Такимъ образомъ, оставившимъ славянамъ дается нѣсколько мѣсяцевъ какъ-бы для того, чтобы они могли лучше приготовиться къ дальнѣйшей борьбѣ, запасшись всемъ нужнымъ изъ Черногоріи и Герцоговины. Такой образъ дѣйствія, — или едва вѣроятная ошибка, или же плохо замаскированное сознаніе своего безсилія. Съ своей стороны, мы готовы скорѣе допустить второе объясненіе. Никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того важного обстоятельства, что громадное большинство австрийского войска состоится изъ славянъ, что мадьяры обнаружили ясное нежеланіе явиться укротителями далматинцевъ и что, слѣдовательно, въ Бокку каторскую можно послать съ надеждой на успѣхъ только нѣмецкіе, да пожалуй еще польскіе полки. Но сосредоточить эти полки въ Далмациі, тоже не совсѣмъ удобно, потому что ихъ помочь не сегодня завтра можетъ понадобиться въ другихъ славянскихъ земляхъ и въ особенности въ Чехіи. Если сообразить все это, то, пожалуй, станетъ совершенно понятно, почему австрийское правительство, несмотря на огромныя военные силы, которыми оно располагаетъ, не въ состояніи такъ долго справляться съ горстью оставшихъ бокезцовъ и даетъ имъ возможность укрѣпиться въ своихъ горныхъ позиціяхъ и, можетъ быть, съ весною выдвинуть снова впередъ гроздный для международного спокойствія Европы *Восточный вопросъ*.

Впрочемъ, этому вопросу суждено, можетъ быть, выдвинуться на первый планъ европейской политики еще и прежде весны. По видимому, Султанъ Абдуль-Азизъ серьезно затѣялся осуществить программу, на которой онъ остановился по слухамъ въ рѣшенніи египетского вопроса. Программа эта, какъ извѣстно, состояла въ томъ, чтобы давъ хедиву отпраздновать спокойно открытие Суэзскаго канала, серьезно приняться по окончанію этого торжества за усмирение своего непокорного вассала. Дѣйствительно, едва окончились праздники въ Александрии и Измаїлѣ, какъ уже въ турецкихъ газетахъ снова стали появляться весьма недвусмысленныя угрозы противъ хедива. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что султанъ, пославъ хедиву свой ультиматумъ и не получивъ отъ него удовлетворительного отвѣта, объявить Измаила-Пашу смѣненнымъ съ своего поста, а если тотъ заупримится, употребить противъ непокорного вассала вооруженную силу. Если, дѣйствительно, въ Константинополѣ рѣшатся на такія крутыя мѣры, то столкновеніе неизбѣжно. Хедивъ, хотя по турецкой теоріи не болѣе, какъ простой губернаторъ, но положеніе его въ Египтѣ вовсе не похоже на положеніе другихъ губернаторовъ султана. Отчасти вслѣдствіе уступокъ Порты, а отчасти и вслѣдствіе безцеремонныхъ узурпаций, онъ поставилъ точно въ такое же положеніе, какъ князя Сербіи и Румунії. Смѣнить его простымъ фирмансомъ врядъ ли возможно, особенно въ такую минуту, когда открытие сuezскаго канала придало его имени историческое значеніе. Измаиль-Паша не уступитъ и объявленный смѣненнымъ въ качествѣ генераль-губернатора, съ своей стороны навѣрное объявить себя независимымъ государемъ Египта... Если вѣрить заявлению французскихъ офиціозныхъ газетъ, европейскія дер-

жавы, предвидя неизбѣжность столкновенія между султаномъ и хедивомъ, заранѣе объявили свое намѣреніе держаться совершенно въ сторонѣ отъ этой распри.... Надо отъ души желать, чтобы это оказалось справедливымъ. Болѣе мудрой политики нельзя и придумать, но только если она дѣйствительно будетъ принята, то слѣдуетъ желать, чтобы западные державы обнаружили послѣдовательность и провозгласили, какъ принципъ, свой полный нейтралитетъ во всѣхъ столкновеніяхъ подданныхъ султана, со своимъ правительствомъ, столкновеніяхъ, общая сложность которыхъ и составляетъ Восточный вопросъ. Если этотъ принципъ будетъ провозглашонъ и искренно соблюденъ, то пожалуй и окажется возможнымъ благополучное рѣшеніе помянутаго вопроса, не компрометирующее европейскаго мира.

Переходя къ французскимъ дѣламъ, мы должны, прежде всего, заявить, что дополнительные выборы, происходившіе въ Парижѣ на прошлой недѣлѣ, дали весьма многознаменательные результаты. Во всѣхъ четырехъ округахъ, участвовавшихъ въ выборахъ, избраны чисто-республиканскіе кандидаты. Рошфоръ достигъ-таки своей цѣли. Большинствомъ четырехъ тысячъ голосовъ, онъ восторжествовалъ надъ своимъ конкурентомъ Карно; въ другихъ округахъ избраны: бывшій членъ временнаго правительства 1848 года Кремье, извѣстный республиканецъ Эммануиль Араго и пресловутый забияка оппозиціоннаго лагеря, Глэ-Бизуэнъ. Такимъ образомъ партія республиканцевъ усилилась въ палатѣ еще четырьмя голосами и въ то же время произведена демонстрація, лично враждебная императору Наполеону, избраніемъ Рошфора. Все это, взятое вмѣстѣ, считается въ Парижѣ до того многознаменательнымъ, что тамъ уже серьезно начинаютъ поговаривать о республикѣ, и, по меньшей мѣрѣ, о необходимости распустить палату и произвести выборы въ Учредительное собрание, которое бы опредѣлило будущую форму правленія.

Императоръ Наполеонъ, однажды, повидимому, всѣмъ этимъ вовсе не смущается. Онъ обнаруживаетъ странную выносливость и невѣроятное для него долготерпѣніе. Такой образъ дѣйствія скорѣе всего можно объяснить тѣмъ, что онъ не вѣрить въ силу республиканской партіи во Франціи и гораздо болѣе опасается партіи лѣваго центра, т. е. умѣренныхъ либераловъ. Есть нѣкоторые признаки, что онъ разсчитываетъ, въ данную минуту, перетянуть на свою сторону эту партію новыми либеральными уступками и избраніемъ нового министерства изъ ея среды. Переговоры Наполеона съ Эмилемъ Оливье не прекращаются, но до сихъ поръ еще не привели ни къ какому результату. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что до открытия законодательной сессіи, никакихъ перемѣнъ въ министерствѣ не послѣдуетъ, но послѣ окончательной прѣвѣрки выборовъ, когда станутъ навѣрное извѣстны численныя силы всѣхъ партій, составляющихъ новую палату, Наполеонъ, въ случаѣ, если большинство окажется не на его сторонѣ, обратится къ вожакамъ лѣваго центра, Эмилю Оливье, Талуэ, Луве и Латур-Дюмулену. Можетъ случиться, что въ этомъ министерствѣ примѣтъ участіе и Тьеръ. Онъ въ послѣднее время съ замѣчательнымъ упорствомъ держится въ сторонѣ и не высказывается, какъ бы берегая на что-то свою свободу дѣйствія.

Въ Италии министерскій кризисъ, о которомъ мы говорили въ прошедшій разъ — кончился. Новое министерство поручено составить предсѣдателю парламента Ланца, который уже однажды былъ министромъ. Новое министерство, по всей вѣроятности, будетъ дѣйствовать въ духѣ болѣе либеральному, чѣмъ министерство Менабреа.

Князь Карлъ Румунскій возвратился въ Бухарестъ съ своей новобрачной супругой, бывшою принцессой Видскою, Елизаветой. По официальнымъ извѣстіямъ, онъ былъ принять населеніемъ своей столицы съ восторгомъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТИЯ.

Судебная лѣтопись.

Въ уголовномъ касационномъ департаментѣ Сената разматривались, современіи нашей послѣдней лѣтописи, нѣкоторыя интересныя, уже извѣстныя нашимъ читателямъ, дѣла; указывалось на два изъ нихъ, именно: на дѣло итальянскаго подданного Боргезани и вдовы генераль-маюра Хомутовой и дѣло Казакова. Касационная жалоба защитника первыхъ, д-раправъ Лохвицкаго, оставлена была Сенатомъ безъ послѣдствій. Второе дѣло сдѣжалось извѣстнымъ, вслѣдствіе выходки

товарища предсѣдателя московскаго окружнаго суда, г. Арсеньева, угрожавшаго 14 лѣтней дѣвицѣ А. И., которая давала по этому дѣлу (по обвиненію Козакова въ растѣніи), какъ потерпѣвшее лицо показаніе —наказаніемъ розами. Сенатъ призналъ таковое дѣйствіе предсѣдательствующаго достаточнымъ поводомъ къ касаціи рѣшенія, а самое дѣйствіе постановилъ разсмотрѣть въ распорядительномъ засѣданіи.

Другое дѣло, обратившее на себя всеобщее вниманіе, разматривалось въ здѣшнемъ окружномъ судѣ съ 25 по 29 октября, именно дѣло о подложныхъ векселяхъ Плещеевой. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Въ 1863 году были представлены ко взысканію, въ управу благочинія, въ разное время векселя на 45,000 р., на вдову статского советника Плещееву. Векселя эти были выданы Плещеевой на имя французскаго подданного Эстиваля. Представилъ эти векселя въ управу повѣренный Маркіановича, Назимовъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что векселя эти подложны и что составилъ ихъ Горскій, по подговору Лаврова, который убѣдилъ Маркіановича представить эти векселя ко взысканію. Лавровъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, успѣлъ пріобрѣсти довѣріе г-жи Плещеевой и сдѣлался ея повѣреннымъ. При чомъ всѣ они взяли, чтобы обезпечить себя, отъ Маркіановича векселя съ бланками вымышленныхъ лицъ. Обвинительная власть обвиняла еще нѣсколько лицъ, кромѣ вышепоименованныхъ въ участіи, именно: Назимова, Заруднаго, Харчевинова, Михайлова и Лихно. Всѣ они были признаны невиновными, а Лавровъ признанъ виновнымъ въ подговорѣ другихъ лицъ составить эти векселя и Горскій въ поддѣлываніи на векселяхъ подпиши Плещеевой и бланковой надписи Эстиваля. Всѣдѣствіе чо Лавровъ и Горскій были приговорены къ лишнію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь.

Не менѣе интереса возбудило дѣло коллежскаго ассесора Кондырева, обвиняемаго въ растратѣ денегъ за театральные билеты. Обстоятельство дѣла слѣдующее: Журналистъ и архиваріусъ конторы императорскихъ театровъ, коллежскій ассесоръ Матвѣй Кондыревъ, имѣвшій порученіе въ теченіе времени, съ апрѣля по октябрь 1868 года, заниматься производствомъ абонементныхъ сборовъ по итальянскимъ и французскимъ спектаклямъ, заявилъ дирекціи императорскихъ театровъ, что онъ, Кондыревъ, удержалъ у себя записки въ абонементныхъ книгахъ и растратилъ изъ денегъ, собранныхъ по итальянскому абонементу 6,384 р. 40 коп., и по французскому 283 р. всего 6,667 р. 40 коп. Кондыревъ былъ приговоренъ къ вычету одного года изъ времени его службы и къ аресту на военной гауптвахтѣ на 3 недѣли. Исходъ этого процесса былъ такъ благопріятенъ для подсудимаго, потому что управляющій театральной конторою г. Юргенсъ заявилъ, что Кондыревъ оказывалъ по сбору денегъ только помощь чиновнику Мишову, какъ частное лицо, а поэтому судъ не призналъ Кондырева виновнымъ въ растратѣ вѣрѣнныхъ ему по службѣ денегъ; въ противномъ случаѣ, онъ былъ бы приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ теченіе почти всей прошлой недѣли разматривалось извѣстное дѣло о подложномъ духовномъ завѣщаніи Андреева. Объ этомъ дѣлѣ такъ много говорили и писали, поэтому сущность его, вѣроятно, нашимъ читателямъ уже извѣстна и мы ограничиваемся теперь сообщеніемъ приговора здѣшнаго окружнаго суда. Присяжные вынесли оправдательный приговоръ для подсудимыхъ: Лаврова, Горскаго, Полозова, кн. Щербатова, Бѣльченко, Матвѣева, Золотницкаго; прочихъ обвинили; при чомъ признали Заруднаго заслуживающимъ снисхожденія. Резолюціей суда приговорены: Лавровъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; Сафьянниковъ и Дюковъ къ ссылкѣ въ Сибирь на житѣ; Зарудный къ ссылкѣ въ Архангельскую губернію, причемъ, въ уваженіе его крайне болѣзnenаго состоянія, судъ постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о переводаѣ его на житѣ въ другую, болѣе благопріятную по климату, губернію.

Разныя извѣстія.

«Московскія Вѣдомости» извѣщаютъ, что Императорская Академія Наукъ весьма озабочена пріобрѣтеніемъ оставшейся послѣ профессора Зибольда этнографической коллекціи, привезенной имъ изъ Японіи, составляющей необыкновенную рѣдкость по полнотѣ и разнообразію находящихся въ ней экземпляровъ. Означенную коллекцію, какъ слышно, осматривалъ директоръ этнографического музея Шифнеръ, и въ настоящее время пріобрѣтеніе оной останавливается только за денежнымъ вознагражденіемъ, такъ какъ Академія Наукъ не имѣтъ особыхъ средствъ, которыми могла бы располагать для пріобрѣтенія этой коллекціи.

— По словамъ «Одесского Вѣстника», И. К. Айвазовскій ёдетъ на открытие Суэзскаго канала и затѣмъ посѣтить Египетъ. Изъ Египта г. Айвазовскій чрезъ Италию имѣть отправиться въ Петербургъ, куда и прибудеть въ концѣ декабря. Что касается извѣстной коллекціи гавкасскихъ видовъ, то она, въ числѣ 15 картинъ, уже отправлена художникомъ въ Петербургъ.

— Въ «Одесскомъ Вѣстнике» сообщаютъ, что новое зданіе одесского почтамта уже оканчивается достройкою.

Изъ жизни сербовъ *)

I.

(Продолженіе).

Изъ исторіи сербовъ.—Душанъ сильный.—Раваница.—Русские дары.—Ужица.

Сербы нѣсколько разъ возставали противъ болгарскаго господства, но своей прежней самостоятельности имъ удалось добиться только разъ и то на короткое время, именно въ царствованіе великаго болгарскаго царя Бориса. Сербы, подъ предводительствомъ трехъ братьевъ Мунтимира, Стройміра и Гойника, послѣ кровопролитной битвы, одержали полнѣшую победу надъ Болгарами. (Во втор. половинѣ IX вѣка). Но Болгарскій царь Симеонъ опять покорилъ сербовъ и далъ имъ почувствовать всю тяжесть чужого господства. Періодъ его царствованія переполненъ вопіющими жестокостями, совершенными надъ сербами, которыхъ глубоко укоренились въ памяти народа. Поэтому врядъ ли несправедливо мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ славистовъ, приписывающихъ жестокостямъ царя Симеона, причину антагонизма, появившагося въ послѣдствіи между Сербами и Болгарами. Антагонизмъ этотъ и въ настоящее время выдается иногда довольно рѣзко и надо съ сожалѣніемъ сказать, что онъ не разъ, существеннымъ образомъ, повредилъ общимъ интересамъ славянъ Балканскаго полуострова.

Сербы воспользовались борьбою, возникшой вскорѣ затѣмъ между Болгаріею и Византіею изъ за господства надъ Фракійскимъ полуостровомъ. Они, подъ начальствомъ Чеслава, собрали свои силы и отдалась отъ Болгаръ, но вместо того они подпали подъ господство Грековъ.

Въ IX вѣкѣ безспорно масса Сербскаго народа приняла христіанство отъ Кирилла и Меѳодія. Этотъ вѣкъ имѣлъ громадное значеніе въ исторіи культуры всѣхъ славянскихъ народовъ. Славянская азбука, введенная Кирилломъ, не менѣе содѣйствовала развитію Сербовъ, чѣмъ благодѣтельное вліяніе христіанства.

Въ X вѣкѣ Греки разрушили Болгарское царство и всѣ югославянскія земли по ту сторону Дуная сдѣлались греческими провинціями, управляемыми намѣстниками, или изъ туземцовъ, или грековъ. Одинъ изъ этихъ намѣстниковъ, сербскій великий жупанъ въ Дюклѣ, мало по малу соединилъ въ своихъ рукахъ большое могущество. Въ 1040 году, онъ воспользовался затруднительными обстоятельствами Византійской имперіи и провозгласилъ свою независимость отъ Константинополя. Ему удалось одолѣть всѣ высланныя претивъ него греческія войска и поставить свое государство на твердую почву. Его сынъ Михаилъ сдѣлался правителемъ уже могучей державы, а потому, съ разрѣшеніемъ папы Григорія VII, принялъ титулъ короля. (Хотя эпитетъ «Првовѣнчани» достался гораздо позже одному изъ его преемниковъ, а именно Стефану I). Наслѣдники его на сербскомъ престолѣ были: Влкантъ (Rex Sclavorum), Стефанъ Неманя, Стефанъ I (Првовѣнчани), Родославъ, Владиславъ, Стефанъ Урошъ, Драгутинъ, Микутинъ (Свети Краль, святой король) и Стефанъ Урошъ III. Изъ этихъ правителей замѣчательнѣйшимъ именно Стефанъ Неманя, какъ родоначальникъ славной-сербской династіи «Неманідовъ». Одинъ изъ сыновей Немани Сава, былъ посвященъ патріархомъ Германосомъ въ санъ первого сербскаго архіепископа. По своей смерти архіепископъ Сава былъ причисленъ къ лицу святыхъ. Св. Сава считается покровителемъ Сербовъ. Стефанъ Урошъ III былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ сербскихъ правителей. Онъ велъ счастливыя войны съ Греками, у которыхъ отнялъ всю Македонію. Намѣстникомъ этой завоеванной области онъ сдѣлалъ своего сына Стефана (Душана). Всѣдѣствіе возстанія собственныхъ своихъ подданныхъ, Стефанъ Урошъ потерялъ престолъ и самую жизнь. Престолъ былъ занятъ его сыномъ, бывшимъ намѣстникомъ Македоніи. Онъ если и не прямо руководилъ возстаніемъ противъ отца, то не былъ ему чуждымъ и этотъ поступокъ остался неизгладимымъ чорнымъ пятномъ въ характерѣ этого славнѣйшаго и величайшаго изъ сербскихъ царей. Въ его царствованіе сербское

государство достигло высшей степени своего могущества и внутренняго благосостоянія. Сербъ, вспоминая объ этомъ золотомъ вѣкѣ своего отечества, непремѣнно запоетъ одну изъ народныхъ пѣсень о царѣ Душанѣ. Вотъ начало одной такой пѣсни:

Душанъ, Душанъ, ты бияже *) глава
Душанъ срече **), Душанъ слава србска!

Царь Душанъ, назывался по своемъ отцѣ Стефаномъ, и въ исторіи долженъ быть бы имѣть имя Уроша IV: по сербскому народу называлъ его «Душаномъ Сильнымъ»: «Душаномъ» за его добрую душу и благородство характера, «Сильнымъ» за его храбрость и неустрашимость. Душанъ завелъ могущественную армию, которую отлично организовалъ по собственному своему плану. Посредствомъ этой арміи онъ увеличилъ свое государство почти въ двое, а мудрыми законами онъ пріобрѣлъ уваженіе у всѣхъ соѣднѣихъ народовъ. Все, что окружало его, принимало на себя отпечатокъ благородства его души; его армія отличалась такою прімѣрною гуманностью, какую мы, можетъ быть, не всегда найдемъ въ арміяхъ нашего времени. Этимъ чудомъ Душанъ завоевалъ болѣе земель, чѣмъ силой оружія. Онъ владычествовалъ отъ Чернаго до Адріатическаго моря, многія греческія провинціи были подчинены ему. Онъ пріобрѣлъ Румынію, Фракію, Фессалію, и съ другой стороны Харватію, Славонію, Далмацию, и всѣ земли до береговъ Іоніческаго и Эгейскаго морей. Во всѣхъ вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ были учреждены школы, церкви и суды. Послѣ такого увеличения могущества своей державы, Душанъ назывался императоромъ римлянъ, славянъ и албанцевъ. Но это возрастаніе сербскаго могущества сильно возбудило зависть грековъ. Такъ какъ они одни были слишкомъ слабы для борьбы съ Душаномъ, то они, по своему коварству, рѣшились на такой шагъ, который повелъ за собою очень важныя послѣдствія: они призвали къ себѣ на помощь съ одной стороны дикія орды турокъ, а съ другой — мадьяръ. Эти два заклятые врага славянскаго элемента, уже въ 1335 году начали дѣйствовать заодно къ подавленію славянской свободы. Нападенія соединенныхъ силъ грековъ, турокъ и мадьяръ на сербское царство оставались, впрочемъ, долго тщетными. Душанъ постоянно одерживалъ блестящія побѣды надъ союзниками и выгонялъ ихъ полчища за сербскія границы, какъ на востокъ, такъ и на сѣверъ. Но съ 1356 года дѣла приняли другой оборотъ. Душанъ заболѣлъ лихорадкой и скоро постигло умеръ, не имѣя еще полныхъ 45 лѣтъ отъ роду. Катастрофа эта была для сербовъ очень гибельна; они со смертью Душана потеряли, можно сказать, все.

Приложенный нами въ № 46 «Всем. Ил.» рисунокъ монастыря Раваница, представляетъ развалины древняго замка Раваницы. Мѣсто это напоминаетъ три великия имѧ, тѣсно связанныя съ гибелю великаго сербскаго царства. Народные разсказы и геройскія пѣсни о Раваницкомъ монастырѣ и древнемъ замкѣ, сдѣлали Раваницу извѣстной далеко за предѣлы Сербіи. Монастырь этотъ, пользующійся глубокимъ религіознымъ почитаніемъ со стороны народа, находится въ сѣверо-восточной части Сербіи, посреди высокихъ горъ, представляющихъ продолженіе Трансильванскихъ Карпатовъ, перерѣзанныхъ Дунаемъ. Раваницкій замокъ построенъ царемъ Лазаремъ, послѣднимъ независимымъ государемъ сербовъ. Въ достопамятной битвѣ на Косовомъ полѣ, Лазарь потерялъ свое царство и жизнь. Его зять Милошъ Оболичъ, который въ томъ же сраженіи убилъ турецкаго Султана Амурда, называлъ своимъ именемъ одну изъ башенъ Раваницы. Другой зять царя Лазаря, Вукъ Бранковичъ, тотъ самый, котораго измѣнила на Косовомъ полѣ повела за собой столь печальная послѣдствія, также бывалъ часто въ Раваницкомъ замкѣ. Останки царя Лазаря хранились въ некоторое время въ Раваницкомъ монастырѣ, но изъ опасенія турецкаго вандализма, они были потомъ перевезены за Дунай, въ монастырь Врдникъ, въ Сирміи, гдѣ также хранились и другіе предметы, дорогіе для памяти сербовъ. По этому поводу и Врдникъ получилъ название «Раваница». О сооруженіи церкви Раваницкаго монастыря сохранилась въ народѣ пѣснь, которую мы нашли въ собраніи сербскихъ народныхъ пѣсень, изданномъ извѣстнымъ Вукомъ Стеф. Караджичемъ. Пѣснь эта разсказываетъ, что царь Лазарь предполагалъ сооружить эту церковь изъ драгоцѣнѣйшаго материала; мозаики изъ золота, серебра, жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней должны были украшать внутренность церкви и сви-

дѣтельствовать о набожности и богатствѣ царя Лазаря. Но преданный ему зять Лазаря Милошъ Оболичъ, предостерегъ царя и не совѣтовалъ ему выставлять на видъ такія сокровища, изъ опасенія возбудить жадность необузданныхъ турокъ, которые именно въ то время уже перешагнули воды, раздѣляющія Азію и Европу, и угрожали всѣмъ соѣднѣмъ христіанскимъ державамъ. Опасенія Оболича вскорѣ оправдались вполнѣ. Турки заняли Раваницу и разрушили замокъ съ его величественными семью башнями. Еще теперь, тамъ и сямъ, на развалинахъ замка замѣтны остатки фресковъ, свидѣтельствующіе о богатствѣ царской резиденціи. Монастырь Раваница, уже со временемъ Петра Великаго, пользовался особымъ расположениемъ Россіи. До самаго новѣйшаго времени онъ получалъ русскую субсидію, на основаніи одной грамоты Петра Великаго. Въ монастырской церкви хранятся многие русскіе подарки, между которыми замѣчательны: великолѣпная чаша и два дорогія евангелія, похороненные Петромъ же Великимъ и Екатериной.

Городъ Ужица, одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Сербіи, находится въ югозападной части страны, недалеко отъ Боснійской границы. Онъ служилъ однимъ изъ извѣстныхъ восьми стратегическихъ пунктовъ въ Сербіи, которые занимали турецкія войска до самаго новѣйшаго времени. Гатимериономъ 1830 г. турки обязались выдать сербамъ, какъ Ужицу, такъ и остальной семь крѣпостей, занимаемыхъ ими въ странѣ, но они исполнили это обязательство только въ 1862 г., когда ихъ къ тому принудила Европейская дипломатія. Городъ Ужица былъ заложенъ Св. Савою въ 1224 году; цитадель же была построена нѣсколько позже и теперь уже отчасти разрушилась.

Въ великой борьбѣ за свободу сербовъ, Ужица была занята сербской дружиной, подъ предводительствомъ Кара Діордія (Чернаго Георгія) въ 1807 г. При этомъ дѣлѣ былъ раненъ и отличился своею храбростю, Милошъ Обреновичъ, который впослѣдствії сдѣлся сербскимъ княземъ и родоначальникомъ по нынѣ царствующей династіи Обреновичей. Въ 1813 г. Турки опять заняли Ужицу и она оставалась въ ихъ рукахъ до 1862 года. Какъ изъ приложенного въ № 46 «Всем. Ил.» рисунка видно, ужицкая цитадель представляетъ собою интересный образецъ фортификаціоннаго искусства сербовъ въ средніе вѣка.

II.

Начатки надежной будущности. — Послѣдній Неманічъ. — Вукашинъ. — Царь Лазарь. — Катастроза на «Косовомъ полѣ». — Тяжелый гнетъ турокъ. — Королевичъ Марко. — «Юнаки». — Выселеніе Сербовъ. — Основаніе Черногоріи. — Смедерево. — Его роль въ отечественной войнѣ. — Миша и Раша. — Посвѣщеніе Сокола. — Затрудненія, встрѣченныя при этомъ посѣщеніи. — Идиллическая жизнь Сокольскихъ турокъ.

Въ историческомъ очеркѣ замѣчательнѣйшихъ періодовъ сербскаго государства, мы покончили въ первой нашей статьѣ, смертью славнаго царя Душана «Сильнаго». Въ это время высшей степени могущества сербскаго царства, Сербы вступили не только въ эпоху сознательной государственной и общественной жизни, они развили не только большую вицѣю силу, но они были, во всѣхъ отношеніяхъ, готовы для того, чтобы встать въ ряду народовъ европейской цивилизациі. Что сдѣлалъ царь Душанъ для материального и умственного развитія своего народа, на это съ полнымъ правомъ Сербы могутъ съ гордостью указывать, еще и въ наши дни, какъ на примѣръ достойной вниманія и рѣдкій въ исторіи государственныхъ учрежденій. Мы припомнимъ здѣсь только о знаменитомъ законодательствѣ Душана «Законникъ», о которомъ извѣстный историкъ Палацкій, написалъ отличное изслѣдованіе, помѣщеннное въ чешскомъ ученомъ журналь «Casopis Cesk. Mus.» (*).

Для приобрѣтенія полнѣйшей независимости своего народа, Душанъ озабочился также и объ его религіозной самостоятельности и съ этой цѣлью основалъ сербское патріаршество, вполнѣ независимое отъ греческихъ патріарховъ въ Византіи (**).

*) Интересный этотъ трудъ былъ впослѣдствії переведенъ на разные языки; сербскій переводъ изданъ въ Бѣлградѣ, русскій же былъ помѣщенъ въ «Чтѣніяхъ» за 1846 г.

**) Это стремленіе къ самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ, мы встрѣчаемъ и у соѣднѣихъ Сербамъ — Болгарамъ, у которыхъ эти стремленія выражаются равносильно и въ наши дни. Въ статьѣ, помѣщенной въ № 44 «Всемирной Иллюстраціи», подъ заглавиемъ: «Вопросъ о возобновленіи народной церкви въ Болгаріи и притѣсненія со стороны Греции», мы подробно говорили объ этомъ предметѣ.

*) Быть.

**) Счастіе.

Но исторія обстоятельства не дали созрѣть этимъ начаткамъ надежнаго процвѣтанія сербскаго племени. Послѣ смерти Великаго Душана, съ одной стороны пагубно вліяли непріязненный славянамъ стихіи, именно заклятый врагъ въ лицѣ Туровъ, съ другой—внутрення междоусобія. Преемникъ Душана, его восемнадцатій сынъ Урошъ V, съ неопытностью молодости соединялъ въ себѣ слабость характера. Къ довершенню несчастія, оказали свое вредное дѣйствіе нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя самимъ Душаномъ, а главнымъ образомъ то, что онъ раздѣлилъ свои владѣнія на нѣсколько большихъ намѣстничествъ. Намѣстники, соединивши мало по малу въ своихъ рукахъ большую власть, вскорѣ совсѣмъ отказались повиноваться слабому Урошу, стали воевать между собою и нѣкоторые сдѣлались совершенно независимыми. Одинъ изъ нихъ Вукашинъ, убивши Уроша на охотѣ, сталъ полновластнымъ господиномъ Сербіи, тогда какъ Боснія и Герцоговина окончательно отдѣлились, а Греки съ своей стороны не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ и отняли часть сербскихъ владѣній въ Македоніи. Урошъ былъ послѣднимъ изъ династіи сербскихъ государей, носившей имя своего родоначальника Немана («Неманичи»).

Далматское восстание: Типы Бокезовъ.
(Гравированъ А. Даугель).

Вукашинъ довольно счастливо боролся съ турками, но несмотря на всю его энергию и ловкость, областные правители, слѣдя его собственному примеру, стали стремиться къ самостоятельности и большею частью его земель овладѣлъ князь Лазарь Гребляновичъ. Послѣ смерти Вукашина, сербскіе бояре возвели Лазаря на престоль, какъ въуваженіе къ его личнымъ достоинствамъ, такъ и потому, что его жена Милица, находилась въ родствѣ съ царскимъ домомъ Неманичей. Лазарь I сталъ стремиться къ возобновленію разрушенной державы Душана, что ему и удалось довести до такихъ размѣровъ, что сербское государство снова могло внушать опасенія Туркамъ. Потомъ въ 1375 г. турки, собравши значительныя силы, напали на Лазаря. Сербы храбро защищались, но послѣ сдачи важной крѣпости Ниши, они приуждены были просить мира, который получили, съ условиемъ платить ежегодно султану 1,000 фунтовъ серебра и ставить въ подкѣплѣніе къ его войску 1,000 всадниковъ. Но Лазарь и всѣ сербскіе властители ждали только слука, чтобы сбросить съ себя эти унижительныя условія. Видя въ босніакахъ, албанцахъ и болгарахъ расположение стать вмѣстѣ съ нимъ за общее дѣло, Лазарь вскорѣ отказалъ султану въ дани.

Далматское восстание: Нападеніе на фортъ „Станевичъ“.
(Гравированъ Вейерманъ).

и собралъ 100,000 войска. Султанскій визирь Али-Паша открылъ роковую войну, устремившись на союзника Лазаря, болгарскаго царя Шишмана, надъ которымъ одержалъ побѣду. Послѣ этой удачи, самъ султанъ Мурадъ двинулся къ Сербіи съ 300,000 человѣкъ. Сраженіе произошло 15 июня 1389 года *) на «Косовомъ полѣ». Побѣда въ начальѣклонилась на сторону сербовъ, но измѣна одного низкаго человѣка доставила побѣду непріятелю; точно такимъ же образомъ измѣна «Милоты изъ Дѣдича», въ роковомъ сраженіи на «Моравскомъ полѣ», доставила побѣду Рудольфу Габсбургскому и его немцамъ, надъ чехами Премысломъ Отокаромъ II. Сербскій Эфіалтесь—имя его Вукъ Бранковичъ—остался въ рѣшительную минуту сраженія въ бездѣйствіи со всею сербской конницею, ввѣренную его начальству.

Этотъ знаменитый моментъ въ исторіи сербовъ, роковая катастрофа на «Косовомъ полѣ», окончила независимое существование сербскаго

*) Замѣчательно, что нѣсколько раньше, въ 1380 г., русские одержали побѣду надъ татарами, на Куликовомъ полѣ. Почти одновременно произошло падение сербскаго царства и возвышение Россіи.

Ped.

государства и остановила ходъ исторіи Сербіи до нашихъ дней, когда наконецъ народъ сербскій, послѣ долголѣтней кровавой борьбы, известной подъ названіемъ войны за сербскую независимость, опять добился лучшей доли.

Правда, и послѣ Косової битвы, продолжалась еще кое-какая независимость Сербіи: султанъ Баизедъ оставилъ Сербію за Стефаномъ, сыномъ Лазаря, но Стефанъ долженъ былъ дать ему клятву въѣности, которую онъ всегда исполнялъ и сражался за турокъ: этимъ онъ только содѣйствовалъ гибели своего народа. Сербія сохранила также тѣнѣ независимости и по смерти Стефана, подъ управлѣніемъ энергичнаго Юрия Бранковича. Господство Бранковичей продолжалось лѣтъ сорокъ: турецкія притязанія стѣсняли власть, угнетали народъ и Бранковичи вынуждены были то дѣлаться вассалами Венгрии, то слугами султана. Вскорѣ началось истребленіе знатѣйшихъ родовъ народа (властителей, бояръ), которые, по большей части вмѣстѣ съ княжескимъ семействомъ, принуждены были искать спасенія въ принятіи магометанства. Послѣдняя княгиня бѣжала въ Римъ и при своей кончинѣ по

Патеръ Гіаçинтъ. (Статью см. въ слѣд. №.)

Кіевъ: 50-ти лѣтній юбилей Духовной Академіи: Братскій монастырь.
(Рисованъ на деревѣ Н. И. Соколовъ, гравированъ Конденъ.)

завещанию передала права свои папъ, который, въ знакъ принятія ихъ, прикоснулся къ поднесеннымъ ему мечу и башмаку. Это завѣщаніе было сдѣлано потому, что дѣти княгини, сынъ и дочь, приняли исламъ, а потому лишились возможности наслѣдовать ей. Въ сербскихъ земляхъ, по берегамъ Моравы, Колубары и Дуная, турецкая система водворилась во всей своей силѣ. Войско султана почти ежегодно ходило чрезъ эти земли къ венгерскимъ границамъ и не оставляло ихъ въ покое. Крестьяне изъ окрестностей Бѣлграда отправлялись въ Константинополь косить сѣно на лугахъ султанскихъ. Страна была подѣлена между спагами и жители были обязаны оказывать имъ различнаго рода повинности. Чтобы предупредить возможность восстания, сербамъ было запрещено носить оружіе; они не могли даже имѣть лошадей, которыхъ у нихъ отнимали турки. Одинъ путешественникъ XVI вѣка описываетъ сербовъ нищими и рабами, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливался взглянуть прямо. Каждая пять лѣтъ производится наборъ мальчиковъ; такимъ образомъ цѣль и надежды народа уводились въ Константинополь для непосредственной службы султану и изъ нихъ выростали ревностные губители христіанства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ турки постарались окончательно уничтожить, во всякомъ случаѣ опасную для нихъ, силу сербскихъ бояръ. Если какойнибудь сербскій бояринъ умиралъ не оставивъ сыновей, то его наследство и должность передавались какомунибудь турку; при малѣшемъ подозрѣніи, правители изъ христіанъ отстранялись и замѣнялись пришельцами-мусульманами. У бояръ-сербовъ отнимали ихъ имѣнія и отдавали туркамъ. Въ слѣдствіе этого многіе бояре сами принимали исламъ, а другіе переселялись въ Венгрию. Но нѣкоторые оставались вѣрными своему посту и напрягали всѣ свои усилия, чтобы устоять противъ напыла турокъ. Примѣромъ такихъ героевъ, борющихся съ турками и заступающихъ за народъ, является въ народныхъ пѣсняхъ: Королевичъ Марко и др. Въ иныхъ пѣсняхъ такие бояре воспѣваются подъ именемъ «Юнаковъ» (молодцовъ, витязей), которые имѣютъ свои замки и богатые дворы, носятъ цѣлѣнныя одежды и часто бываютъ съ турками.

Между тѣмъ турецкое господство уже начало серьезно беспокоить Европу. Сербія все болѣе и болѣе впадала въ бѣдственное положеніе, сдѣлалась театромъ безпрерывныхъ войнъ, ея земли переходили изъ рукъ въ руки и Сербы нѣсколько разъ переселялись въ Сремъ (Сирмію), Банатъ и Венгрию. Въ южной части Сербіи, въ Зетѣ, или Дукатѣ (Дюкѣ), откуда вышелъ родъ Неманичей, приближеніе турокъ заставило жителей уйти въ горы—такимъ образомъ получила основаніе знаменитая Черногорія, единственный сербскій край, уцѣлѣвшій тогда отъ общаго порабощенія.

И такъ, старый періодъ исторіи Сербовъ, заключился полнымъ паденіемъ націи.

Приложенные рисунки изображаютъ двѣ крѣпости: Смедерево (Семендрія) и Соколь. Крѣпости эти изъ числа извѣстныхъ восьми стратегическихъ пунктовъ, которые, какъ мы уже упомянули въ первой нашей статьѣ, оставались занятymi турецкими войсками и послѣ освобожденія Сербскаго княжества отъ господства Турокъ.

Городъ Смедерево, одно изъ первыхъ торговыхъ мѣстъ въ странѣ, основанъ вѣроятно въ очень давнія времена, еще во время господства Римлянъ. О названіи города Семендрія (Смедерево) существуютъ многія сомнительныя догадки, основаныя на также сомнительныхъ историческихъ выводахъ,—положительного же обѣ этомъ никто ничего не знаетъ. Нѣкоторые ученые, въ своихъ путешествіяхъ по Балканскому полуострову, высказываютъ свои предположенія, которые, впрочемъ, лишены всякаго основанія, что будто бы Смедерево, судя по треугольному виду его крѣпости, было древнее римское «Tricorpium», столица Трикориенсовъ, жителей Мизіи во время Птоломея. Но и народное преданіе и надпись, находящаяся на одной изъ башенъ крѣпости, свидѣтельствуютъ, что крѣпость построена сербами, а именно Дордіемъ Бранковичемъ, въ 1432 году. Послѣ ея построенія, турки напали на крѣпость, но Бранковичъ храбро защищалъ и отразилъ турокъ съ большимъ урономъ, за что и былъ названъ народомъ «Смедерево дѣюро» (Смедеревскій Георгій). Во время великаго возстанія Сербовъ за свою независимость въ 1805—1807 годахъ, Смедерево играетъ важную роль. Здѣсь турки умертили возлюбленнаго народомъ, сербскаго воеводу Вулича. Послѣдствіемъ этого была серьезная вспышка сербскихъ жителей. Они изгнали турокъ изъ населенной ими части города и послѣ

жестокой борьбы, взяли крѣпость, храбро защищаемую турецкимъ гарнизономъ. Такая блестящая удача подстрекнула всѣхъ окрестныхъ раевъ *), къ дальнѣйшимъ подвигамъ, тогда какъ масса населенія Сербіи еще не думала о поголовномъ восстаніи.

И такъ, можно сказать, что происшествія въ Смедерево, послужили сигналомъ къ начатію столь блестящей сербской отечественной войны, которая окончилаась столь-же счастливо, какъ и первый ударъ, нанесенный туркамъ въ Смедеревѣ.

Какъ мы уже сказали, Смедерево есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ привозной и отпускной торговли Сербіи. Между предметами привоза, на первомъ планѣ стоитъ соль; главный же предметъ вывоза—это «черный скотъ» (свинину), въ чёмъ и состоитъ богатство страны. Набережная Дуная въ Смедерево, во время навигаціи, представляетъ очень оживленную картину. Здѣсь стоитъ цѣлая флотилія судовъ, нагруженныхъ солью и отличающихся своею оригинальною конструкциєю. Тамъ—смуглый, полуодѣтый толпы восточныхъ разныхъ типовъ и национальностей, съ большимъ трудомъ тянутъ бичевою, уже выгруженными суда, въ верхъ по теченію Дуная, въ Бѣлградъ. Множество рабочихъ занято выгрузкою соли, которую отправляютъ во внутренность страны, или на лошадяхъ, или на первобытныхъ маленькихъ телѣжкахъ, запряженныхъ парою, или двумя воловъ. Природа, надѣлившая Сербію такъ богато, какъ плодородною почвою, такъ и горами, покрытыми отличнымъ лѣсомъ и хранищими въ своихъ нѣдрахъ множество цѣнныхъ металловъ, отказалась странѣ въ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ ежедневнаго обихода—въ соли. Ее должны привозить не только изъ сосѣдней Австріи, но даже изъ Сициліи и изъ отдаленныхъ Испаніи и Франціи. Потому торговля солью очень значительна. Весьма продолжительное время пользовался монополіею въ продажѣ соли по всей Сербіи, маляръ Миша, который сдѣлался чрезъ это богатѣйшимъ лицомъ въ странѣ; его называютъ сербскимъ Ротнильдомъ. Такъ же какъ Миша разбогатѣлъ отъ соли, такъ торговлею чернымъ скотомъ, главнымъ предметомъ вывоза, разбогатѣлъ Раша—сербскій Переира. Если вы спросите, чѣмъ это безчисленныя стада, покрывающія набережную Дуная и погруженные на многочисленные мелкие пароходы, чѣмъ красивѣйшіе дома или богатые виноградные сады, вамъ навѣрно отвѣтятъ: «Господаря Раши».

Крѣпость Соколь находится среди высокихъ скалистыхъ горъ въ западной части Сербіи, недалеко отъ Боснійской границы. Соколь состоитъ изъ небольшого городка, населенного исключительно турками, и цитадели, представляющей обширный средневѣковой замокъ, съ высокими стѣнами и величественными башнями. Въ стратегическомъ отношеніи, замокъ этотъ, при силѣ нынѣшней артиллеріи, конечно, не можетъ имѣть никакого значенія, но онъ съ замѣчательнымъ рискомъ выстится надъ зияющею пропастью, такъ что дѣйствительно похожъ на соколиное гнѣздо, прильпленное къ скалѣ. Въ настоящее время, весь интересъ Сокола состоитъ только въ чудномъ видѣ, который открывается для глазъ путешественника съ его башень. Но по единодушнымъ увѣреніямъ путешественниковъ, этотъ интересъ очень великъ и врядъ ли во всей Сербіи можно найти примѣръ такого очаровательнаго вида и мѣстоположенія. Въ 1862 г. турки принуждены были выдать Соколь въ руки Сербовъ, по этому, ни одинъ изъ турецкихъ жителей не остался тамъ, а они всѣ переселились въ сосѣднюю Боснію. Ни въ опустѣвшемъ городѣ, ни въ молчаливомъ замкѣ, теперь никто не живеть, а только время-отъ-времени собираются тамъ крестьяне Сербы, изъ ближайшихъ сель и танцуютъ на площади замка извѣстный национальный танецъ «коло», подобно тому, какъ жители Парижа устраивали, въ 1790 г., на развалинахъ Бастилии торжества и народныя увеселенія. Въ то время, когда турки занимали Соколь, было весьма рисковано поѣхать въ эту «Гайдуцкій Градъ» **), какъ его называли окрестные поселенія-Сербы. Пробраться въ Соколь и воротиться оттуда цѣломъ и невредимому, считалось замѣчательною молодецкою штукою.

Чешскій ученый др. Габлеръ, бывший воспитателемъ въ княжескомъ семействѣ въ Бѣлградѣ,

препринялъ, вмѣстѣ съ 50 воспитанниками Сербской военной академіи, путешествіе по внутренности Сербіи, цѣлью котораго на первомъ планѣ была попытка посѣтить знаменитый Соколь. Интересныя подробности этого посѣщенія, связанного со многими затрудненіями, были описаны въ чешской иллюстрированной газетѣ «Свѣтозоръ» (за 1868 г. № 1—20); мы же вкратце приведемъ нѣкоторыя любопытныя мѣста:

«Еще передъ нашимъ выѣздомъ изъ Бѣлграда, рассказываетъ Габлеръ, мы предупредили бѣлградскаго пашу о нашемъ желаніи посѣтить Соколь, и просили его сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы мы не встрѣтили отпора со стороны мѣстнаго турецкаго начальства. Но мы получили отъ паша отвѣтъ весьма страннаго рода: кади (старѣйшина) сокольскій, не обязанъ повиноваться не только ему, бѣлградскому пашѣ, но даже султану, потому что онъ (паша), ни самъ султанъ, не могутъ сокольскимъ туркамъ ничего приказывать. Всѣдѣствіе чего, еще за нѣсколько дней пути до Сокола, наше общество отправило нѣсколько пословъ къ начальному города, просить позволенія посѣтить древній замокъ. Гонцы эти или совсѣмъ не воротились или, воротившись, не привезли ровно никакого отвѣта. Между тѣмъ, мы узнали, что у окрестныхъ жителей только и разговору, что о сокольскихъ туркахъ; многочисленные, хорошо вооруженные крестьяне-сербы, присоединились къ намъ въ видѣ почетной стражи. Мы вскорѣ удостовѣрились, что народъ очень желалъ, что бы мы вздумали сдѣлать серьезное нападеніе на сокольскихъ турокъ; вождей, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, было довольно; что касается до войска, то оно сейчасъ-же стеклось бы изъ лежащихъ на пути деревень.

«Мы завернули въ горы, дорога становилась все труднѣе и труднѣе. Здѣсь въ первый разъ мы познакомились съ турецкими тропинками для всадниковъ, единственнымъ примѣромъ попеченія турокъ о путяхъ сообщенія въ странѣ. Тропинки эти подымаются обыкновенно очень круто вверхъ; они вымощены и снабжены въ извѣстныхъ промежуткахъ цистернами для водопоя лошадей, но онѣ только фути три шириной, такъ что можноѣхать только по одному въ рядъ и то на особенныхъ, маленькихъ лошадяхъ туземной породы, привыкшихъ къ этимъ головоломнымъ тропамъ. Лишь только одинъ высокій хребетъ горъ отдѣлялъ насть отъ Сокола и мы прибыли въ деревню Царина, где былъ приготовленъ для насъ ночлегъ. Тамъ мы узнали, что между жителями распространилась молва, что будто-бы сокольские турки хотятъ сдѣлать на насъ ночное нападеніе, чтобы воспрепятствовать намъ даже вступить на ихъ територію, окружающую городъ на нѣсколько верстъ. Поэтому сопровождавшіе насъ крестьяне-сербы, устроили вокругъ нашего дома настоящій военный лагерь и были на сторожѣ всю ночь, не смотря на проливной дождь. Опасенія эти, однако-же, не оправдались и мы утромъ отправились въ дальнѣйшій походъ. Но лишь только мы немного поднялись по тропинкѣ, тѣсно слѣдуя другъ за другомъ (насть было свыше 800 чел.), какъ форпосты нашей колонны вернулись назадъ изъ окружавшаго насъ прекраснаго дубового лѣса, и извѣстили, что передъ нами за деревьями расположена довольно значительная сила турокъ. Двинуться впередъ значило подать сигналъ къ неизбѣжному кровопролитію, которое, принявъ въ расчетъ нашу неудобную позицію, могло-бы окончиться не въ нашу пользу. Отступить-же мы тоже не могли, во первыхъ потому, что намъ не хотѣлось отступиться отъ нашего намѣренія, и во вторыхъ, такой поступокъ непремѣнно показался бы, въ глазахъ турокъ и сопровождавшихъ насъ Сербовъ, крайне унизительнымъ. Въ такомъ критическомъ положеніи каждый добрый солдатъ былъ дорогъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, хорошо знавшій характеръ турокъ, предложилъ, чтобы только нѣсколько человѣкъ нашихъ отправились дальше, между тѣмъ какъ всѣ остальные должны были остатся нѣкоторое время на мѣстѣ. Если турку окказать полное довѣріе, то онъ въ такомъ случаѣ обыкновенно слѣдуетъ благороднѣмъ побужденіямъ своего характера, и съ своей стороны отвѣчаетъ тѣмъ-же. Такъ какъ не другого исхода, то мы приняли этотъ совѣтъ. Насъ отправилось пятеро всадниковъ: четыре офицера и я. Турки, увидѣвшіи наше довѣріе къ нимъ, послѣднѣю отступили и мы не встрѣтили ни одного въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ ъзы. Наконецъ мы, поднимаясь съ трудомъ по крутизѣ вверхъ, вступили на турецкую територію. Здѣсь стоялъ всадникъ, завернутый въ красный плащъ, съ бѣлымъ

*) Такъ называются христіане, подчиненные турецкому правительству.

**) Разбойничий замокъ.

турбаномъ на головѣ. Онъ, повидимому, караулилъ и ждалъ кто пріѣдетъ. Когда мы добрались до него, онъ не почтъ нужнымъ поздороваться съ нами, но флегматически повернулъ свою прекрасную лошадь и медленно поѣхалъ передъ нами, не оглянувшись ни разу во весь путь. Такъ какъ онъ былъ вымоченъ до костей, то мы догадались, что турки также всю ночь провели подъ открытымъ небомъ, боясь нападенія съ нашей стороны. Всадникъ въ красномъ плащѣ проводилъ насъ къ своему начальнику, самому сокольскому кади, который сидѣлъ подъ громаднымъ дубомъ, въ обществѣ одного только слуги, чѣмъ, очевидно, онъ хотѣлъ оказать намъ тоже довѣріе, какое мы оказали къ его людямъ. Отъ кади мы узнали, что сокольское населеніе очень встревожено нашимъ приходомъ и раздѣлилось на двѣ партіи. Одна согласна исполнить наше желаніе и впустить насъ въ крѣпость, за исключеніемъ только всѣхъ сопровождавшихъ насъ Сербовъ-крестьянъ, другая же ни подъ какимъ видомъ ничего не хочетъ слышать о нашемъ посѣщеніи. Послѣдовали долгіе переговоры; много затрудненій нужно было еще отстранить, хотя самъ кади принадлежалъ къ доброжелательной намъ партіи. Передъ самою сокольской горою, мы должны были остановить всю нашу почетную стражу, которая расположилась тамъ лагеремъ, внимательно прислушиваясь не раздается ли ружейный выстрѣль, и не нужно ли имъ спѣшить къ намъ на помощь. Соколь, по наружному виду, небогатый городокъ, хотя народная молва и толкуетъ про богатства, будто бы награбленные жителями «гайдучаго замка». Населеніе города, во время нашего посѣщенія, пользовалось, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, самыми счастливыми условіями жизни. Такъ, оно, въ полномъ смыслѣ этого слова, не подчинилось, ни власти султана, ни сербскаго князя; никто изъ сокольскихъ жителей не зналъ ни податей, ни рекрутской повинности. Ими управлялъ ихъ кади (городской голова) свободно или избранный изъ своей среды. При нашемъ вѣзѣдѣ въ городъ, мы увидѣли, что дома непріязненной намъ партіи крѣпко заперты и забарикадированы; владѣльцы ихъ укрылись въ крѣпости. Наши-же сторонники, имѣли свои лавки и дома открытыми и ожидали насъ передъ домомъ кади.

Подъ конецъ намъ позволили посѣтить и самую цитадель. Но когда мы насытили наше любопытство, насладились роскошнымъ видомъ и хотѣли возвратиться, то турки заставили насъ провести въ древнемъ замкѣ еще нѣсколько часовъ въ очень незавидномъ положеніи. На всѣ наши вопросы, они лаконически отвѣчали, что *не выпустятъ насъ изъ замка*. Послѣ долгихъ переговоровъ и усовѣщованій со стороны кади, они согласились насъ выпустить подъ условіемъ заплатить значительный выкупъ, такъ что каждому изъ нашей компаніи пришлось пожертвовать почти всѣ свои наличныя деньги.

Тяжолые дни Далматскихъ Славянъ.

Въ 36-мъ № «Всем. Иллюстрацій», мы познакомили нашихъ читателей съ «Далматскою свадьбою». Когда мы описывали характеръ и обычай далматскихъ славянъ, народа, столь же благогородного душою, какъ статнаго и красиваго по своей наружности,—мы, конечно, не думали, что намъ придется возвратиться къ нимъ, чтобы, вмѣсто свадебныхъ увеселеній, начертить грустныя картины ихъ настоящихъ тяжолыхъ страданій. Беселыя лица свадебныхъ поѣзжанъ приняли теперь выраженіе упорной рѣшиимости и отчаянія; тѣ же самыя ружья, которыхъ недавно потрясли воздухъ въ знакѣ веселія, несутъ теперь громъ съ отечественныхъ скалъ, чтобы отстоять то, что далматинцу столь дорого—отстоять народныя права и обычай—жизнь и свободу.—До начала катастрофы, сценою которой сдѣлялся самый южный уголъ Далмациі, по-силѣ названіе катарскаго залива (Bocche di Cattaro), никто не могъ предвидѣть тяжолую участъ, предстоящую тамошнимъ жителямъ, которые, безспорно, должны считаться нашими единоплеменниками. Во-преки всѣмъ стараніямъ извѣстной части австрійской печати, доказать всему миру, что это ничто иное, какъ давно приготовленное восстаніе, вспыхнувшее по внушеніямъ «славянской пропаганды», теперь оказывается для всѣхъ яснымъ, совсѣмъ противное, а именно: что въ несчастій, разразившемся надъ катарскимъ округомъ, виноваты не мѣстные жители, не сосѣдніе имъ единоплеменники, а неумѣстная «энергія» австрійскихъ властей—

генераловъ. Если обсудить, то дѣйствительно становится яснымъ, что еслибы столь многочисленная семья славянъ сочла нужнымъ отстранить путемъ восстанія враждебныя для нихъ правительства, то давно бы не существовало въ Европѣ ни тѣни турокъ, а для мадьяръ и нѣмцевъ исчезла бы разъ на всегда всякая возможность *«прижиматъ къ стѣнѣ»* какую либо изъ славянскихъ национальностей. Попытаемся въ кратцѣ объяснить отношенія населенія «Bocche di Cattaro» къ австрійскому правительству, а въ особенности къ наимѣстникамъ Далмациі. Катарскіе «Морлахи» уже съ давнихъ поръ, со временемъ паденія римской имперіи, не находились подъ игомъ чужого господства, и не подчинялись ежовымъ рукавицамъ какого либо правителя. Ихъ край, по древне-славянскому обычаю, раздѣлялся на нѣсколько вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга округовъ или «жупы», что мы встрѣчаемъ и у остальныхъ сербо-хорватовъ, и вообще у всѣхъ славянскихъ народовъ, съ давнихъ поръ.—Эти «жупы» сообща заключали дипломатические договоры или съ однимъ изъ сосѣднихъ славянскихъ государей, или съ венецианской республикой; договоры эти имѣли цѣлью доставить кортцамъ, подъ извѣстными условіями, покровительство. Въ такомъ отношеніи жители оставались въ теченіи пяти вѣковъ къ соѣднимъ государствамъ; они не были подчинены, но только связанны съ этими государствами дипломатическими договорами. Поэтому не удивительно, что при такихъ условіяхъ любовь къ независимости, свойственная вообще славянамъ, не исчезла съ вѣками у кортцевъ, но все болѣе и болѣе укоренялась въ сердцѣ каждого изъ нихъ.—Этому также содѣствовало соѣдство двухъ такихъ государствъ, которые могутъ считаться образцомъ славянской свободы: Чорной горы и славной Дубровницкой республики. Катарскій округъ былъ присоединенъ къ Австріи въ первый разъ съ 1797 по 1805 годъ. Въ то время кортцы потребовали полного сохраненія тѣхъ своихъ правъ, которыми они и прежде пользовались подъ верховною властью Венеции; тогда австрійское правительство должно было исполнить ихъ требованія и гарантировало ихъ прежнія права. Одинъ изъ озлобленныхъ сторонниковъ вѣнскаго министерства на днѣхъ слѣдующими словами упоминаетъ о томъ времени: «Морлахи эти такъ упорно стояли за свои права и свободу, какъ будто бы они засѣдали другъ возлѣ друга во французскомъ конвентѣ; памъ, конечно, ничего не оставалось дѣлать, какъ только исполнить всѣ ихъ требованія». Не смотря на это, въ продолженіи восьми лѣтнаго периода австрійского правленія катарскимъ округомъ, вѣнское господство успѣло сдѣлаться столь невыносимымъ для жителей, что въ 1814 году, когда вся Далмация была во второй разъ присоединена къ Австріи, кортцы оказали явный отпоръ и ихъ округъ принуждены были занять силою оружія. Чтобы избѣжать дальнѣйшей борьбы, австрійское правительство и на этотъ разъ принуждено было признать за кортцами всѣ ихъ древнія права. Каждое нововведеніе, предполагаемое вѣнскимъ правительствомъ для катарскаго округа, должно было быть прежде всего разсмотрѣно довѣренными отъ народа, избранными для этой цѣли изъ среды всѣхъ жителей и только въ такомъ случаѣ, если «скупитина» изъявила свое согласіе, правительство могло приступить къ осуществленію предполагаемой мѣры, безъ опасенія возбудить серьезный и опасный отпоръ. Въ 1848 г. былъ назначенъ губернаторомъ катарскаго округа нѣкто Гризъ, который, по своимъ уѣждѣніямъ, сталъ замѣнять «согласіе народа» деспотическимъ «должно быть», что и повело за собою въ Бокко-ди-Катаро тоже, что тамъ происходит теперь: кортцы съ 1848 до 1849 года отбивали, съ оружіемъ въ рукахъ, свои поруганныя права. Борьба только тогда прекратилась, когда Гризъ былъ смѣненъ, и вновь назначенный наимѣстникъ Далмациі, баронъ Мамула, всталъ на путь мирныхъ договоровъ чѣмъ и былъ положенъ конецъ дальнѣйшему кровопролитію и все пошло старымъ порядкомъ. Вскорѣ еще одно обстоятельство сильно содѣствовало тому, чтобы сдѣлать австрійское господство ненавистнымъ для далматскихъ славянъ. Когда австрійское правительство пріобрѣло Далмацию, тѣ вѣнскіе политики надѣялись, что далматинцы будутъ служить хорошимъ примѣромъ для своихъ южныхъ и восточныхъ единоплеменниковъ, которые примкнутъ къ Далмациі, чтобы избавиться, подъ покровомъ Австріи, отъ гнета ихъ заключенныхъ враговъ—Турокъ. Такимъ образомъ Австрія расчитывала со временемъ

пріобрѣсти Чорную гору и Герцоговину. Но далматскіе славяне очень мало содѣствовали такимъ планамъ: если они что и сообщали своимъ братьямъ въ Чорной горѣ и Герцоговинѣ, о господствѣ австрійскаго нѣмецкаго правительства, то было очень не соблазнительно, и отбивало у нихъ всякое желаніе наслаждаться подобными благами, если только когданибудь это желаніе у нихъ существовало. Когда же вѣнскіе политики уѣдѣлись въ томъ, что имъ не слѣдуетъ ожидать никакого содѣствія для осуществленія своихъ плановъ со стороны далматинцевъ, тогда они порѣшили: лишить далматскихъ славянъ ихъ национальности, предоставивъ ихъ въ жертву романизации, (ибо германизация въ этомъ краѣ была бы немыслима), всѣми силами поощряя прізвольъ итальянскаго меньшинства (итальянцы составляютъ $\frac{1}{12}$ всего населенія страны). Видя такое явное къ себѣ расположение и такое попеченіе о своей национальности, далматскіе славяне, понятно, не сдѣлялись лучшими друзьями Австріи, чѣмъ были прежде. Такъ какъ они почти всѣ носятъ оружіе, которымъ хорошо владѣютъ (въ особенности Морлахи, обитатели горъ, превышающіе числомъ 200,000 ч.), то австрійскіе губернаторы должны были обладать порядочной дозой политического такта, чтобы предотвратить кровавыя столкновенія, грозившія ежеминутно. Бывшій губернаторъ Далмациі, генералъ Филиповичъ, былъ любимцемъ жителей. Онъ былъ ихъ единоплеменникъ (хорватъ) и выказалъ на своеемъ тяжоломъ постыдѣ удивительное благородство и мужество. Получая безпрестанно изъ Вѣны инструкціи къ истребленію славянской национальности, онъ оставлялъ ихъ или совсѣмъ безъ всякаго исполненія, или смягчалъ предписываемыя ему мѣры и тѣмъ лишалъ ихъ вреднаго характера. Даже теперь, когда отчаянная борьба съ австрійскими войсками развилаась до крайней степени, кортцы, однимъ изъ условій мирныхъ переговоровъ, требуютъ возвращенія имъ прежнаго губернатора Филиповича. Когда въ Австріи водворилась настоящая дуалистическая система и вмѣстѣ съ тѣмъ началась для австрійскихъ славянъ новая эра жестокаго *«прижиманія къ стѣнѣ»*, тогда псевдо-либеральное вѣнское министерство нѣмецкихъ докторовъ рѣшилось отстранить благороднаго Филиповича и замѣнить его солдатомъ, который привыкъ строго исполнять получаемыя приказанія. Этотъ новый губернаторъ, генералъ Вагнеръ, съ необыкновенною энергіей началъ продолжать дѣятельность Гриза 1848 года. Примѣръ, преподанный исторію, относительно послѣдствій господства Гриза, не научилъ австрійскія власти; имъ хотѣлось только дать почувствовать ненавистнымъ славянамъ всю губительную силу препнеловъ и конгревовыхъ ракетъ. Удобный случай для этого вскорѣ представился. Вздумали требовать отъ далматинцевъ, вопреки ихъ гарантированнымъ правамъ, рекрутской повинности. Есть двѣ области въ Австріи, жители которыхъ, вмѣсто рекрутской повинности, обязательной для всѣхъ другихъ обитателей этой пестрой монархіи, должны бороться съ вѣнскимъ врагомъ, только въ такомъ случаѣ, если онъ вступитъ на ихъ собственную территорію: это именно: Bocche di Cattaro и Тироль. Обитатели катарскаго округа, при своей природной храбрости, всегда блестательно исполняли такого рода обязанности; они въ послѣднюю австро-итальянскую войну оказали Австріи громадныя услуги и причинили итальянцамъ столько вреда, что они до сихъ поръ помнятъ кортцевъ. Когда генералъ Вагнеръ понялъ, что кортцы врядъ ли рѣшатся даромъ пожертвовать своими правами, если этого у нихъ потребуютъ не путемъ мирныхъ переговоровъ, а грубой силой, то онъ, надо сознаться, поступилъ, какъ честный человѣкъ и сообщилъ свои опасенія вѣнскому министерству, прося новыхъ, болѣе подходящихъ, инструкцій. Но вѣнское правительство, то самое нѣмецкое деспотическое министерство, которое всѣми силами старается представить въ глазахъ Европы въ розовомъ свѣтѣ свой *мнимый либерализмъ*, поспѣшило дать генералу Вагнеру слѣдующій отвѣтъ: *«не изѣбѣайте кровопролитія*, по постарайтесь доставить нашимъ приказамъ безусловное повиненіе!» Послѣ этого генералъ Вагнеръ постарался исполнить во всей точности волю своего правительства; онъ началъ отнимать у жителей оружіе, съ которымъ они выросли и налагать на нихъ разныя пени и наказанія. Это послужило сигналомъ къ начатію настоящей ожесточенной борьбы кортцевъ съ австрійскими войсками, которая грозитъ, по словамъ самихъ австрій-

скихъ газетъ, покрыть злополучную Бокку сплошною лужею крови. Городской глава Нового Ерчега, (Castelnuovo), почтенный далматский дѣятель Войновичъ, на дняхъ выпустилъ въ свѣтъ очень интересный грометоріо (памятную записку) о первыхъ столкновеніяхъ, произошедшихъ между народомъ и властями и о настоящихъ ихъ причинахъ. Эта важный документъ, составленный г. Войновичемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими старѣйшинами общинъ каторского округа, предназначенъ для передачи императору, по его возвращеніи съ поѣздки на Востокъ, чтобы обличить участіе виновниковъ тяжолаго несчастія, постигшаго жителей Бокко-ди-Каттаро. Общий итогъ этого промеморіума приводить къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ, которыхъ мы представили въ нашей статьѣ. Начавшаяся борьба развивается дальше, принимая все болѣе и болѣе громадные размѣры. Въ настоящее время сосредоточено въ Боккѣ уже болѣе 40,000 австрійскихъ войскъ, съ сильною артилерию, снаряды которой почти исключительно состоятъ изъ стальныхъ шрапнеловъ и варварскихъ конгревовыхъ ракетъ. Кромѣ того, по всему протяженію морскаго берега, безпрестанно дѣйствуютъ австрійскія военные суда. Но несмотря на такія значительныя

Арсеній, митрополитъ Кіевскій.
(Рисовалъ на деревѣ К. Броже; гравировалъ Л. А. Сѣраковъ).

сили и довольно продолжительное время борьбы, австрійскіе войска не могутъ оказать дѣйствительныхъ успѣховъ; ихъ колоны нѣсколько разъ подвигались то впередъ, то назадъ, отъ Катаро до Будуи, по единственной, находящейся въ странѣ дорогѣ, построенной французами въ то время, когда они владѣли Далмацией; затѣмъ одна отдѣльная колона доходила до турецкой границы, къ укрепленному средневѣковому замку Драгали; въ настоящее же время двинулись четыре колоны по направлению къ черногорской границѣ, къ мѣстечку Грахово, откуда они вѣроятно также должны будутъ воротиться, такъ какъ тамъ невозможно достать продовольствія, а граховскіе черногорцы наврядъ ли окажутъ особенное гостепріимство австрійскимъ полчищамъ. Такъ какъ прекрасная, окруженнная высокими горами и почти необитаемая равнина между Катаро и Граховомъ, называется «Кривоща», то официальные телеграммы придали упомянутому походу звучный титулъ: открытия компаніи противъ Кривощи. Вездѣ, где австрійскіе войска встрѣчаются съ «инсургентами», они осыпаютъ ихъ градомъ шрапнеловъ и ракетъ, вслѣдствіе чего которыи дѣйствительно поспѣшили отступать передъ войсками, но только для того, чтобы безпр

Антоній, архієпископъ казанскій и свияжскій.

Димитрій, архієпископъ херсонскій и одесскій.

Макарій, архієпископъ литовскій.

Іоаннъ, епископъ полтавскій и Переяславскій.

Евсевій, экзархъ Грузіи, архієпископъ карталинскій и кахетинскій.

Леонтій, епископъ подольскій и брацлавскій. Порфирий, епископъ чигиринскій, викарій кіевской митрополії.

Антоній, архієпископъ кишиневскій и хотинскій.

Кіевъ: Пятидесятилетній юбилей духовной академіи.

(Рисов. на деревѣ П. Ф. Борель; гравир. Л. А. Сѣраковъ).

Кронштадтъ: Работы по сооруженію нового дока. (Статью см. въ слѣдующемъ №).
(Рисов. на деревѣ А. Е. Беггровъ; гравир. Л. А. Сѣраковъ.)

станово беспокоить ихъ съ фланговъ и съ тылу, пользуясь при этомъ, только для нихъ доступными, головоломными тропинками по дикимъ скаламъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, т. е. когда артилерія не можетъ дѣйствовать по неприступности мѣстоположенія, которцы внезапно бросаются на войска и причиняютъ имъ много вреда. При такомъ способѣ веденія борбы, которая, поэтому, можетъ еще долгое время продолжаться, которцамъ много помогаетъ ихъ «живой телеграфъ». Это учрежденіе,

дѣйствующее съ большою практичностью, которую которцы пріобрѣли долголѣтнимъ упражненіемъ, состоитъ въ томъ, что извѣстныя вершины горъ заняты для этой цѣли особыми караулами, которые крикомъ и знаками передаютъ другъ другу каждую новость, и она, такимъ образомъ, въ самомъ не-продолжительномъ времени облетитъ по всей Боккѣ. Телеграфъ этотъ введенъ былъ въ употребление въ давнія времена, чтобы предупредить хищнические набѣги турокъ, но обитатели пользовались имъ так-

же для сообщенія вообще интересныхъ новостей, какъ то: прибытія важнаго гостя, прихода судна и т. д. Что касается до покоренія различныхъ мѣстностей, о которомъ сообщаютъ официальная телеграммы, то по большей части дѣло состоить въ томъ, что жители болѣе богатыхъ деревень, при приближеніи австрійскихъ войскъ, чтобы предохранить свое имущество отъ разрушенія и выжженія, подымаютъ бѣлый флагъ; когда же войска удаляются, то они продолжаютъ помогать своимъ братъ-

ямъ въ горахъ, заботясь объ ихъ продовольствіи и снабжая ихъ амуницией. Неудачи австрійскихъ войскъ вывели командировъ изъ терпѣнія до такой степени, что они считаютъ съ своей стороны особымъ геройствомъ подражать примѣру турокъ въ кандійскомъ возстаніи, однако же съ тѣмъ различіемъ, что ихъ цивилизованные солдаты не только выжигаютъ селенія, вырѣзываютъ потоловно даже невооруженныхъ которцевъ и разстрѣливаютъ цѣльными дюжинами ихъ женъ, но къ довершенню всего они разрушаютъ виноградники и оливковые сады, — единственное средство существованія которцевъ, и такимъ образомъ бѣдный край на полвѣка станетъ безотрадной пустыней. Такихъ поступковъ даже турки не позволили бы себѣ въ какомъ бы ни было мѣстѣ своихъ владѣній. При этомъ часто слышатся изъ устъ солдатъ-нѣмцевъ слова: «когда мы здѣсь покончимъ, то пойдемъ такимъ же образомъ порѣшишь съ упрямими чехами!»

Право! прекрасная картина раскрывается предъ глазами ужасающейся Европы. Австрійскія войска безъ всякаго милосердія вѣшаютъ каждого плѣнного которца и возятъ даже для этой цѣли съ собою подвижная висѣлицы; которцы-же, по своей «дикой простотѣ», выпускаютъ плѣнныхъ австрійскихъ солдатъ, напоивши и накормивши, на свободу, чѣму служить примѣромъ гарнизонъ взятаго которцами форта Станевичъ. Кстати, нужно замѣтить, что этотъ фортъ достался имъ въ руки не въ слѣдствіе измѣны, или ловкости какой-то женщины, но они взяли его приступомъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ то показываетъ и прилагаемый нами рисунокъ. Равнымъ образомъ, оказались невѣрными сообщенія вѣнскаго военнаго министерства, что будто бы которцы принуждены были оставить упомянутый фортъ, или взорвать его на воздухъ, такъ какъ онъ до сихъ поръ находится въ ихъ рукахъ, а важный замокъ Драгали осажденъ ими по прежнему и въ главную квартиру австрійскихъ войскъ уже двѣ недѣли не доходитъ никакого извѣстія, о судьбѣ этого значительного пункта. Понятно, что вслѣдствіе вспоющихъ поступковъ австрійскихъ войскъ, храбрые которцы не могли прийти къ уѣждению, что слѣдуетъ безусловно подчиниться приказаніямъ властей, но, напротивъ, твердо рѣшились продолжать затянувшуюся борьбу, чтобы надежно обезпечить свою будущность. Доказательствомъ чего можетъ служить прокламація, распространенная ими въ сѣдѣніи Герцеговинѣ и Черной горѣ. Вотъ содержаніе этой прокламаціи:

«Юноши, соколы нашихъ горъ! Часть роковой битвы насталъ и врагами поданъ знакъ; да встрепенутся наши горы! Враги наши разорвали скрижалъ нашей свободы и грозятъ, что мы должны будемъ проливать кровь нашихъ братьевъ, если не захотимъ предать имъ въ руки будущее нашихъ сыновъ. Но вилы далматскихъ горъ полетѣли, чтобы извѣстить юнака (молодца) Ивана Урюевича, что спить подъ развалинами Бѣлага замка «Ободской». Онъ не замедлитъ пробудиться и поведеть своихъ вѣрныхъ соколовъ къ новымъ побѣдамъ. Вставайте! Вставайте! Рать юныхъ воиновъ которскихъ горъ! Вспомни своихъ предковъ, которыхъ воспѣвалъ Бачичъ, что они владѣютъ мечомъ, какъ мадьяры; ружьемъ какъ черногорцы; что они ловки, какъ герцеговинцы; хитры, какъ итальянцы и сильны, какъ босняки. Съ нашихъ горъ наши ружья понесутъ смерть въ ряды нашихъ враговъ; наши вилы будутъ метать камни съ нашихъ скалъ на вражьи головы. Чорная гора! Слышишь ли нашъ кликъ свободы? Герцеговинцы! Слышишь ли вы нашъ воинскій призывъ? Слушайтѣ-же, что наше много и что мы отважны. Вамъ извѣстно, братья, что мы подняли брань за великую идею, что мы деремся за нашу независимость, которая для наше краше самой жизни. Мы хотимъ быть также свободны, какъ были наши предки, а потому не положимъ оружіе, доколѣ наше право не одержитъ побѣду.»

На сколько чувствуютъ австрійскія войска себя слабыми противъ такой решительности которцевъ, это краснорѣчиво доказываетъ то обстоятельство, что они считаютъ недостаточными весьма многочисленныя крѣпости и форты и сооружаютъ новые, чтобы по крайней мѣрѣ удвоить ихъ число (этихъ фортовъ до настоящаго времени находилось въ Бокѣ около 20).

По единодушному мнѣнію лицъ, знакомыхъ съ Bocche-di-Cattaro, совершенно немыслимо возстановить на продолжительное время спокойствіе въ странѣ, если не прибѣгнуть только къ мирнымъ переговорамъ съ жителями.

Въ соображеніи этой неоспоримой истины, изъ груди враждебнѣйшаго славянству вѣнскаго орга-

на *) вырвались слѣдующія слова: «Наша политика относительно Черной горы была всегда плохай никакъ не могла повести за собою желаемыхъ успѣховъ; но также безсмысленно было наше обращеніе съ которцами. Что мы сдѣлали для этого народа въ продолженіи нашего полуѣвропейского господства? Ничего. Съумѣли ли мы развивать ихъ таланты, ихъ природную силу, большую способность къ морской службѣ и воспользовались ли мы ихъ качествами? Напротивъ. Имѣя подъ рукою отличнѣйшихъ матросовъ, силу, трезвость и отважность которыхъ врядъ ли найдеть подобныхъ себѣ соперниковъ въ ряду мореплавательныхъ народовъ всего міра,—мы принуждаемъ ихъ къ сухопутной службѣ, где они, по всей вѣроятности, никогда не сдѣлаются хорошими солдатами. Которцы—народъ очень даровитый и несравненно самый красивый изъ всѣхъ народовъ австрійской монархіи. Очень часто можно встрѣтить между которцами людей, отлично говорящихъ на пяти или шести языкахъ, выражающихъ свои мысли съ замѣчательною логической мѣткостью; они перебывали всюду и усвоили себѣ всѣ элементы культуры; при этомъ они остались полны творящей силы и одарены свѣжестью молодежи. Право, такой народъ вполнѣ заслуживаетъ сдѣлаться участникомъ всѣхъ благъ цивилизаціи!»

Прочитавъ эти строки, читатель съ прискорбиемъ душі долженъ вспомнить о тѣхъ благахъ цивилизаціи, которыми австрійское правительство наградило молодецкихъ которцевъ—они называются: *конгресскія ракеты, да иренелы!*

Празднованіе юбилея Кіевской духовной академіи.

(Кореспонденція Вс. Илл.)

Въ самомъ центрѣ Кіево-подола обращаетъ на себя вниманіе своими золотыми главами церкви Братскаго монастыря, устроенная о пяти куполахъ еще Иваномъ Мазепою въ 1693 году. На сѣверной и южной сторонахъ церкви, въ монастырской оградѣ, стоятъ довольно объемистыя зданія, въ которыхъ и помѣщается *Кіевская духовная академія*, старѣйшее и древнѣйшее изъ всѣхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Одно изъ этихъ зданій, на лѣво отъ братской церкви, — двухъэтажное, нижній этажъ которого выстроено гетманомъ Мазепою около 1693, а верхній, съ тосканской колонадою и Благовѣщенской, такъ называемою *конгрегаціонною*, церковью, построено въ 1735 году митрополитомъ Рафаиломъ Зaborовскимъ. Это такъ называемый *старый академіческий корпусъ*. Въ этомъ зданіи главнымъ образомъ происходило празднованіе юбилея. На правой сторонѣ отъ соборной церкви возвышается зданіе въ три этажа, выстроенное въ 1822 году. На фронтонахъ этого зданія изображенъ въ сіяніи развернутая біблія. Это *новый академіческий корпусъ*. Тутъ совершилась также значительная часть юбилейнаго празднества.

Еще съ 20 сентября стали сѣѣжаться на опубликованный заблаговременно празднікъ депутаты отъ разныхъ учоныхъ и учебныхъ учрежденій, а также іерархи, наперѣдъ изъявившіе желаніе присутствовать на торжествѣ академіи, и встрѣтившіе себѣ разрушный приютъ въ Лаврѣ, въ Софійскомъ митрополичьемъ домѣ и въ Никольскомъ монастырѣ. На Подолѣ замѣтно было особенное движеніе: къ Братскому монастырю подѣзжали и уѣзжали незнакомыя кіевлянамъ лица, преимущественно духовныя; въ самомъ братскомъ монастырѣ происходили усиленныя приготовленія къ торжеству: убиралась зала конгрегаціонная (въ старомъ корпусѣ), строился амвонъ для служенія 12 архіереямъ, собираема была мебель и пр. Кіевляне, называвшіе о предстоявшемъ празднѣѣ въ академіи, хлопотали о приобрѣтеніи билетовъ на входъ въ академію. По опубликованному въ мѣстныхъ газетахъ проекту или программѣ праздника, юбилейное торжество имѣло начаться 27 сентября, панихидѣ по всѣхъ учившихъ и учившихся въ кіевѣ академіи покойникахъ. Этотъ день пришелся на субботу, день, когда кіевляне и особенно кіевлянки собираются въ Братство на акаѳистъ, всегда читаемый ректоромъ академіи съ особеннымъ, ему только свойственнымъ, умѣніемъ читать. Можно же вообразить, какое множество народа собралось теперь въ Братство, когда извѣстно стало, что въ этотъ день будетъ служить 12 архіереевъ! Съ восьми часовъ утра 27 сентября большая братская церковь была уже полна народа. Въ 10 часовъ прибыль высокопреосвященный митрополит кіевскій Арсеній и началъ литургію въ сослуженіи двухъ архіереевъ, Евсеевъ, екзархъ Грузіи и Антоній, архіепископъ казанскаго, нѣсколькихъ архімандритовъ,protoіерействъ и іеревьевъ. Въ числѣ служащихъ были два воспитанника *первой академіческаго курса*: одинъ изъ нихъ архімандритъ (Лотоцкій) и другой protoіерей (Діомидовъ) и два послѣднія, одинъ—призвать доцентъ, другой помощникъ инспектора. Въ обычное время произнесена была инспекторомъ академіи, архімандритомъ *Сильвестромъ*, проповѣдь, приличная слушаю и сказанная съ особеннымъ чувствомъ. Но самая торжественная минута этого служенія была, когда цѣлый соборъ іерарховъ вышелъ на средину церкви для совершенія панихиды. На огромномъ амвонѣ, въ рядъ, по ту и другую сторону митрополита

Арсения, стояли: Михаилъ, архіепископъ бѣлградскій и митрополитъ всѣ Сербіи, Евсеевъ, екзархъ Грузіи, архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій, Димитрій, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, Антоній, архіеп. Кішиневскій и Хотинскій, Леонідъ, епіскопъ Подольскій и Брацлавскій, Іоаннікій, епіскопъ Саратовскаго, Никандръ, епіскопъ Тульскій, Іоаннъ, епіскопъ Полтавскій и Переяславскій, Порфирій, епіскопъ Чигиринскій, викарій Кіевскій и Александръ, епіскопъ бывшій Полтавскій. Всю длину церкви, до самаго иконостаса, занимали архімандриты, protoіереси, священники и іеромонахи, числомъ около ста, частію бывшіе воспитанники академіи, а частію депутаты, между которыми особенное на себя обращали вниманіе: protoіерей Горскій, ректоръ московской академіи и protoіерей Серіевскій, профессоръ московскаго университета. На панихидѣ провозглашена была *вѣчна память императору Александру I и Николаю I*, митрополитамъ Серапіону, Евгенію и Філарету, всѣмъ покойникамъ учившимъ и учившимся въ академіи, а также и всѣмъ благодѣтелямъ академіи. Послѣ служенія, въ кельяхъ ректора академіи былъ чай для архіереевъ и депутатовъ, а за тѣмъ въ лаврѣ у митрополита обѣда. Это было собственно начало празднованія юбилея. Академія кіевская имѣетъ прекрасный обычай, завѣщанный ей предками, послѣдній день каждого года (31 декабря) посвящать молитвенному воспоминанию всѣхъ покойниковъ, такъ или иначе при жизни связанныхъ съ академіей. Въ настоящемъ году, вмѣстѣ съ 50-ти лѣтнимъ юбилеемъ, она должна была праздновать и новый годъ своей жизни въ преобразованномъ видѣ. Поэтому окончаніе протекшаго пятидесятилѣтія, какъ конецъ старой жизни академіи, вдвойне прилично было отпраздновать воспоминаніемъ покойниковъ, плоды трудовой дѣятельности которыхъ, не вполнѣ можетъ быть оцѣненными современниками, пришлося покинуть дѣятелямъ новой академіи. Не беремся изображать чувствованія, какія пробуждали въ сердцахъ людей, даже чуждыхъ академіи по духу и образованію, это печальное и вмѣстѣ радостно-торжественное воспоминаніе въ молитвѣ и вѣрѣ всѣхъ совершившихъ свое теченіе дѣятелямъ прошедшаго времена. Духомъ жизни и вмѣстѣ смерти вѣтъ отъ такихъ воспоминаній, и человѣку мыслившему дается нескончаемый материалъ для размышленій. Участвовавшіе въ празднованіи академіческаго юбилея не скоро забудутъ тѣ минуты, въ которыхъ они на панихидѣ 27 сентября перечувствовали столько, сколько не приходится иногда перечувствовать въ продолженіи цѣлаго года.

На другой день, 28 сентября, на литургії, совершившейся также митрополитомъ *Арсеніемъ*, митрополитомъ *Михаиломъ*, и архіепископомъ *Димитріемъ*, и на молебѣ, совершившемся всѣми 12-ю іерархами, съ многочисленнымъ духовенствомъ, стеченіе народа въ братствѣ было такъ необычайно велико, что полиція вынуждена была не всѣхъ пускать въ церковь, чѣмъ навлекла на себя неудовольствіе многихъ, издалека прибывшихъ, посмотрѣть на соборъ архіереевъ, имена которыхъ, да отчасти и лица извѣстны чѣмъ не всѣмъ кіевлянамъ. Сильно сожалѣли многие, узнавъ, что въ конгрегаціонную залу будутъ допущены одни только приглашеніе и что не придется послушать имъ ни адресовъ, ни рѣчей. Особенно сожалѣли тѣ старики, которые помнятъ еще старую академію, бывали въ ней на диспутахъ студенческихъ, да и въ преобразованной уже академіи бывали на публичныхъ экзаменахъ въ той же самой конгрегаціонной залѣ, въ которую теперь не позволено имъ будуть войти. Не малое огорченіе! Когда въ 1819 году совершилось обновленіе академіи, то въ этомъ торжествѣ дѣятельное участіе принимали и горожане, сопровождавшіе крестный ходъ отъ Успенскаго Подольскаго собора до Братскаго монастыря, съ своими цеховыми значками, знаменами, копьями и проч. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, дѣти и внуки тѣхъ же горожанъ не преминули отдать честь и съ своей стороны всѣмъ чествуемой академіи. Приглашенные на празднѣѣ, проходя изъ церкви въ конгрегаціонную залу, пріятно поражены были вниманіемъ къ академіи кіевскаго городского общества, которое, по сторонамъ алеи, ведущей изъ церкви въ залу, выставило всѣ свои цеховые значки, остатки или лучше памятники магдебургскаго права; археологи и историки прошли нѣсколько десятковъ саженей подъ вѣнцемъ историческихъ, весьма почтенныхъ памятниковъ... Но замѣчательнѣйший памятникъ исторический представила сама конгрегаціонная зала, высокая стѣна которой (въ два сѣвта) представляла замѣчательнѣйшую портретную галерею, рѣдкую по многочисленности портретовъ, по важности лицъ, изображеныхъ на портретахъ и историческому ихъ размѣщенію. Тутъ вы видите портретъ патріарха *Феодана*, благословившаго старую братскую богоявленскую школу, всѣхъ замѣчательнѣйшихъ учителей и учениковъ древней школы и новой академіи, всѣхъ ея покровителей, отъ митрополита Петра Могилы и до митрополита Арсения включительно: тутъ история академіи и частію южной Россіи, только не въ словахъ, а въ лицахъ.

Торжественный актъ открылся пѣніемъ академическими пѣвчими молитвы *Царю небесному*. Академическая пѣвческая издавна славится искусствомъ своего пѣнія и нѣкоторыми особенностями, ей одной только свойственными, и присутствовавшіе на актѣ могли замѣтить, что студенты поютъ не какъ обыкновенные пѣвцы. Всѣдѣ затѣмъ, митрополитъ Арсеній, какъ главный начальникъ академіи, прочолъ указъ, разрѣшившій празднованіе пятидесятилѣтнаго юбилея академіи и Высочайший рескриптъ, данный кіевской духовной академіи. Носился слухъ, предъ тѣмъ, что Государь Императоръ благословилъ даровать академіи рескриптъ, но достовѣрно никто изъ публики не зналъ и это было для всѣхъ пріятною неожиданностью. Каждый изъ присутствующихъ, слыша слова рескрипта: «Кіевская академія, главная и древнѣстію въ ряду уни-

*) Neue freie. Presse № 1857

лишь Россіи, и особенными заслугами для церкви и отечества, въ два первыя вѣка своей исторической жизни, явилась достойное славы своей и въ постыдній пятидесятилетній періодъ, признавшій въ этомъ голосъ всей Россіи, отдававшій честь бывшему нѣкогда всероссійскому училищу; а когда митрополитъ объявилъ, что Его Величество Всеимилостивѣшъ по-вѣтъ учредитъ 10 стипендій въ академіи, то присутствовавшіе, какъ бы по соглашенію съ пѣвчими, прервали чтеніе народнымъ гимномъ «Боже царя храни». Послѣ того митрополитъ Арсеній, изобразивши, съ свойственною ему силою рѣчи, вѣковыя заслуги академіи, въ знакъ своей признательности академіи пожертвовалъ 10,000 рублей, чтобы на проценты изъ этихъ денегъ издавались лучшія произведения воспитанниковъ и преподавателей академическихъ. Затѣмъ профессоръ И. И. Малышевскій прочиталъ «историческую записку о состояніи академіи за истекшее пятидесятилетіе», чтеніе которой продолжалось большъ часа. Потомъ слѣдовало чтеніе привѣтствій и адресовъ. Сначала прочитавъ привѣтствія іерарховъ отсутствовавшихъ: митрополита С.-Петербургскаго Исидора, Московскаго Иннокентія и архіепископа Литовскаго Макарія, пожертвовавшаго академіи на стипендию 25 т.; потомъ присутствовавшихъ, изъ коихъ каждый, привѣтствуя академію, благословлялъ ее иконою. Больше всего сердечнѣе показались адресы или привѣтствія митрополита Сербскаго Михаила, благодарившаго академію за воспитаніе его самого и многихъ его единоплеменниковъ, а также и Димитрія, архіепископа Херсонскаго. Послѣ того слѣдовали адресы отъ: 1) Кіевскаго городскаго общества, которое учредило двѣ стипендіи при академіи для лицъ, поступающихъ въ академію изъ кіевскаго общества. 2) отъ духовныхъ академій: Московской (прочиталъ ректоръ ея Горскій) и С.-Петербургской (прочиталъ инспекторъ академіи Лучицкій). 3) отъ университетовъ: Московскаго (проч. ректоръ Баршевъ), Кіевскаго (проч. ректоръ Матвеевъ), Харьковскаго (проч. профессоръ Богословія Добротворскаго), Новороссійскаго (ректоръ Монтовичъ), Петровской лѣтній академіи (законопочтитель Головинъ) и лицея князя Безбородко (законопочтитель Шморгуновъ). 4) отъ учрежденій: императорскаго московскаго общества исторіи и древностей (графъ Толстой), императорской публичной библиотеки (библиотекарь Ивановскій), одесского общества исторіи и древностей (протоіерей Серафимовъ), кіевской археографической комиссии (М. В. Юзефовичъ), московскаго археологического общества (Мартыновъ). 5) отъ духовенства: кіевской, херсонской и курской епархій. 6) отъ семинарій: кіевской, харьковской, полтавской, херсонской, літовской, ярославской, екатеринославской, волынской, воронежской, подольской, орловской, черниговской, иркутской. 7) отъ 2-ї кіевской гімназіи и фундукеевской женской гімназіи. 8) отъ холмской дирекціи училищъ. 9) отъ частныхъ лицъ: архимандрита Еронима (воспитанника кенингсбергскаго и дерптскаго университетовъ), произнесшаго свою рѣчу по латыни, и наконецъ извѣстного академика М. П. Погодина, рѣчу которого произвела сильнѣшее впечатлініе на присутствовавшихъ.

На юбилеѣ академіи московской и петербургской университеты и императорская публичная библиотека почтили возведеніемъ въ званіе почетнаго члена — высокопреосвященнаго Арсенія, а петербургскій университетъ и ректора академіи архимандрита Филарета. Сверхъ того петербургскій университетъ присыпал дипломы на степень доктора: русской исторіи — Макарію, архіепископу літовскому (воспитаннику кіевской академіи) и греческой словесности — викарию кіевскому Порфирию.

Было четыре часа дня и предложенное чтеніе рѣчи профессора Пльвника «объ успѣахъ богословской науки въ нашемъ отечествѣ и о современныхъ задачахъ ея» было отложено. Актъ окончился пѣніемъ «Слава въ вышнихъ Богу» кіевскимъ напѣвомъ, бывшимъ новостію для многихъ депутатовъ, не бывавшихъ прежде въ Кіевѣ. Подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлій отъ слышаннаго касательно значенія и заслугъ кіевской академіи, приглашенные перешли въ новый академический корпусъ, где въ общей студенческой залѣ приготовленъ былъ обѣдъ на 200 ст. лишнимъ персонъ. При множествѣ гостей, спичей, противъ обыкновенія, не было. Живѣе и восторженіе всѣхъ были приняты гости: за Августѣшаго Царя Освободителя и Преобразователя, предложенный высокопреосвящ. митрополитомъ Арсеніемъ, и тостъ «за единую, нераздѣльную, святую Русь», предложенный М. П. Погодінъ. Пѣли «многая лѣта» на разные напѣвы, что составило кіевскую особенность торжественныхъ обѣдовъ духовенства и закончили пѣніемъ «Боже Царя храни».

На другой день (29 сент.) торжество продолжалось обѣдомъ, устроеннымъ по подпискѣ всѣхъ бывшими воспитанниками кіевской академіи, на который приглашены были и пріѣзжие гости. Около полутораста человѣкъ собралось всѣхъ бывшихъ студентовъ академіи, изъ всѣхъ почти XXIV курсовъ академіи. Безъ всякаго предварительного распоряженія и условія, всѣ усадились по курсамъ, такъ что первокурсники заняли почетнѣшія мѣста, а за ними и воспитанники двухъ курсовъ, въ небольшую перемѣшку съ гостями. Дружескіе бесѣды и воспоминанія прерывались тостами и спичами, которые высушивались отъ особыннмъ вниманіемъ. Говорилъ профессоръ богословія въ кіевскомъ университѣтѣ протоіерей Фаворовъ, высказывая желаніе, чтобы навсегда уничтожена была разнѣ между академическою науковою и университетскою. На эту же тему прекрасно говорили ректоръ московскаго университета Баршевъ и М. П. Погодинъ; но краснорѣчіе и лучше всѣхъ говорилъ профессоръ богословія въ московск. университетѣ, протоіерей Сергій. Особенно впечатлій произвела рѣча М. А. Максимовича, первого ректора кіевскаго университета, который благодарила академію за все, что

она сдѣлала для Руси кіевской, родины Максимовича. Читаемы были и латинскіе стихи старѣшімъ профессоромъ академіи Д. А. Подіурскимъ, который перефразировалъ извѣстную студенческую пѣсню *gaudemus in iugis*.

На третій день (30 сент.) празднество продолжалось въ митрополичихъ келіяхъ въ лаврѣ, куда высокопреосвященный митрополитъ Арсеній пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ пріѣхавшихъ съ поздравлениемъ академіи лицъ, многихъ членовъ кіевскаго общества, всѣхъ служащихъ въ духовно-учебныхъ кіевскихъ заведеніяхъ и городское духовенство, получавшее воспитаніе въ академіи. Прекрасны рѣчи при этомъ сказали Баршевъ и Сергій, высказавши, между прочимъ, что къ Кіеву привлекаетъ russkikhъ не только кіевская святыня, но и свѣтлыя, человѣчныя личности іерарховъ.

Для многихъ этимъ и закончился юбилей и большинство гостей разѣхалось. Но іерархи и знаменитѣшіе изъ гостей закончили празднованіе обѣдомъ 2 октября у начальника юго-западнаго края, князя А. М. Дундукова-Корсакова. «Кіевлянинъ» передаетъ, что на этомъ обѣдѣ, между прочимъ «ректоръ московск. университета Баршевъ, въ сильныхъ короткихъ словахъ, изобразивъ прошлое и настоящее значеніе иконы-русскої Кіева и великую многотрудную задачу, возлагаемую исторію, правительствомъ и обществомъ на тѣхъ, кому поручено довѣріемъ монарха управление краемъ, выразилъ твердую увѣренность, что настоящее управление удачно и вѣрно выполнить эту задачу, предложилъ тостъ за здоровье князя А. М. Дундукова-Корсакова и пожелалъ, чтобы управление его продолжалось для блага юго-западной Руси до толѣ, пока не разрѣшится вѣковая задача полнаго объединенія съ единою, цѣлою, не раздѣльною Россіею». Затѣмъ митрополитъ Сербіи, Михаилъ, пожелалъ отъ имени славянскихъ братій благоденствію юго-западному краю и его правительству. Академикъ Погодинъ, въ самой тройственности празднованія великаго события: въ академіи, въ высокопреосвященнаго архіпастира кіевской пастыри и у главнаго начальника мѣстной администраціи, указалъ на знаменіе тѣснаго союза науки, церкви и государства въ преслѣданіи великой цѣли благоденствія юго-западнаго края и пожелалъ полнаго осуществленія этого союза и этого благоденствія. Наконецъ М. А. Максимовичъ завершилъ обѣдъ слѣдующими словами: «сегодня мы оканчиваемъ юбилейное празднество кіевской академіи, которая обязана своимъ началомъ достопамятной женѣ Аннѣ Гуловичевнѣ Лозиной, а вчера положено было нами начало новому благому дѣлу — основанію кіевского отдѣла славянского благотворительного комитета, обѣ учрежденіи котораго первая мысль принадлежитъ княгинѣ Надеждѣ Андреевнѣ (Дундуковой). Позвольте же, м. гг., предложить тостъ за ея здоровье».

На память своего пребыванія въ Кіевѣ, іерархи оставили фотографическіе свои снимки въ общей группѣ. Только два іерарха, уѣхавши раньше другихъ, Іоанникій Саратовскій и Никандъ Тульскій, къ сожалѣнію не вошли въ эту рѣдкую группу.

Біографическая свѣдѣнія объ архіереяхъ, присутствовавшихъ на юбилѣѣ Кіевской академіи.

1. Арсеній, митрополитъ кіевский и галицкій и священно-архимандритъ кіево-печерской лавры, свѣтѣшаго правительствующаго синода членъ. Родомъ изъ Костромской губерніи, сынъ діакона Павла Михайлова Москвина, изъ села Воронья, Костромскаго уѣзда. По окончанію курса въ костромской духовной семинаріи, Феодоръ Москвинъ (таково было мірское имя митрополита Арсенія) поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію, въ которой въ 1823 году и кончилъ курсъ со степенью магистра. Еще во время академического обучения, онъ, съ разрѣшеніемъ св. синода, въ 1821 году поступилъ въ монашество и тогда же посвященъ въ іеродіакона, съ каковою церковною степенью и окончилъ курсъ академіи. Будучи вслѣдъ за тѣмъ определенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ с.-петербургскую академію, онъ посвященъ былъ въ іеромонахи. Не долго, однако, іеромонаху Арсенію пришлось служить въ с.-петербургской академіи, где онъ, кроме обязанностей профессора, несъ еще должность библиотекаря. Уже въ 1825 году, онъ, по определенію комиссіи духовныхъ училищъ, определенъ ректоромъ могилевской духовной семинаріи и произведенъ въ архимандрита. За тѣмъ преимущественно былъ ректоромъ семинарій орловской, рязанской, тверской, вездѣ за полезную службу и особенные труды по устроенію духовныхъ училищъ и монастырей, получая признательность и благоволеніе своего начальства. Въ 1832 году, Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ святѣшему правительствующему синоду, всемилостивѣшъ повелѣно быть ему епископомъ тамбовскимъ; затѣмъ, въ 1841 году архіепископомъ подольской епархіи, по томъ, въ 1848 году, архіепископомъ варшавской епархіи и управляющимъ волынскою и почаевской лаврами священно-архимандритомъ; наконецъ, въ 1860 году, высочайшимъ указомъ на имя святѣшаго синода, определенъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и кіево-печерской лавры священно-архимандритомъ и членомъ святѣшаго синода.

Получивъ еще въ санѣ архимандрита орденъ Св. Анны 2-ї степени, за отличное усердіе къ службѣ и труды по управлению рязанской семинарію, Преосвященный Арсеній въ Тамбовѣ Всеимилостивѣшъ сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1-ї степени. Попеченіе преосвященнаго Арсенія о благоустройствѣ подольской епархіи и особенно полезное служеніе церкви, всемилостивѣшъ награждено приченіемъ его къ ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2-ї степени большого креста, а пастырская попечительность въ распространеніи въ простомъ народѣ подольской епархіи молитвъ и важнѣшыхъ истинъ вѣры, встрѣтили признательность святѣшаго правительствующаго синода. Когда дѣятельность замѣчательнаго іерарха перенесена была въ варшавскую епархію, то примѣрно усердное управление этою епархіею и постоянная попечительность Преосвященнаго Арсенія о пользѣ духовной науки, обратили также на себя Высочайшее вниманіе и онъ Высочайшимъ рескриптомъ сопричисленъ къ ордену Св. Александра Невскаго. Особенное положеніе варшавской православной пастыри среди католичества, вызывало особенные труды Преосвященнаго, и эти неусыпные его труды и заботы о возвышеніи и утвержденіи православія въ паствѣ, достойно были оценены: Преосвященный Высочайше пожалованъ былъ алмазнымъ крестомъ для ношения на клобукѣ. На кіевской митрополіи заботы и попеченіе Арсенія особенно устремлены были на народное образование, на распространеніе церковно-приходскихъ училищъ, улучшение быта наставниковъ академіи, семинаріи и училищъ; за все это онъ Высочайше награжденъ былъ сначала сопричисленъ къ ордену Св. Владимира 1-ї степени, а за тѣмъ Св. Андрея Первозваннаго. Митрополитъ Арсеній признанъ почетнымъ членомъ с.-петербургской и московской духовныхъ академій, московской и с.-петербургской университетовъ и Императорской публичной библиотеки, совѣта Высочайшего утвержденнаго місіонерскаго общества, общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровителемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы.

2. Михаилъ, (см. портретъ № 45 Всем. Илл.) архіепископъ бѣлградскій и митрополитъ всія Сербіи. Получивъ первоначальное образование въ бѣлградской семинаріи, Милой Іоанновичъ, будущий митрополитъ сербскій, прибылъ въ Россію въ концѣ сороковыхъ годовъ, вмѣстѣ съ другими южными славянами и поступилъ въ кіевскую духовную семинарію, где, научившись достаточно русскому языку въ низшемъ отдѣленіи, выслушавъ курсъ богословія въ высшемъ отдѣленіи, и затѣмъ поступилъ въ кіевскую духовную академію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1853 г. со степенью магистра. При самомъ окончаніи академического курса поступилъ въ монашество. Возвратившись въ Сербію, онъ скоро посвященъ былъ во епископа, а года черезъ полтора назначенъ былъ и митрополитомъ. Симпатическая личность митрополита, не смотря на борьбу партій въ Сербіи, дѣлаетъ его общимъ любимцемъ всѣхъ и популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Сербіи и у сосѣднихъ славянъ, болгаръ и черногорцевъ. Русское правительство, нѣсколько лѣтъ назадъ, сопричислило его къ ордену Св. Анны 1-ї степени.

3. Евсевій, Архіепископъ карталинскій и кахетинскій, экзархъ Грузіи. Родомъ изъ Курской епархіи, сынъ бѣлгородскаго діакона Ільинскаго. Высшее свое образование получилъ въ кіевской духовной академіи, куда поступилъ изъ воспитанниковъ курской семинаріи. По окончанію академіи въ 1831 году, назначенъ былъ баккалавромъ въ с.-петербургскую духовную академію, въ которой и профессорствовалъ до 1839 года. Затѣмъ былъ ректоромъ сначала кіевской семинаріи до 1845 года и полоцкой, переведенной потомъ въ Вильну. Покойный Іосифъ, митрополитъ літовскій, особенно полюбившій ректора Евсевія, удержалъ его при себѣ и тогда, когда онъ былъ посвященъ во епископа Ковенскаго, викария літовскаго. Съ 1852 года по 1858 годъ былъ епископомъ каменецъ-подольскимъ. Послѣ смерти митрополита кіевскаго Филарета и вслѣдъ затѣмъ викария кіевскаго Аполлинарія, преосвященный Евсевій, назначенный прибыть изъ Каменецъ-Подольска въ Кіевъ, для погребенія митрополита, нѣсколько времени управлялъ кіевской митрополіею, посвятивъ въ это время, вмѣстѣ съ бывшимъ въ то время въ Кіевѣ черногорскимъ епископомъ Стефаномъ, ректора кіевской академіи Антонія во епископа чигиринскаго,

Сербские виды и типы: Крѣпость Соколь.

и вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ экзархомъ Грузии, съ производствомъ въ архіепископа.

4. *Макарій*, архіепископъ литовскій (Булгаковъ). Курскій уроженецъ. По окончаніи курса въ кievской духовной академіи, оставленъ въ оной бакалавромъ и вскорѣ переведенъ въ с.-петербургскую академію, гдѣ проходилъ преемственно должности профессора, инспектора и ректора, въ санѣ сначала архимандрита, а потомъ и епископа винницкаго. Въ послѣдствій былъ на епархіяхъ тамбовской и харьковской, а нынѣ архіепископомъ литовскимъ въ Вильнѣ и членомъ святѣйшаго синода. Имѣя степень доктора богословія, пріобрѣтенную сочиненіемъ знаменитаго

«Догматического Богословія», переведеннаго и на французскій языкъ, Макарій получилъ отъ петербургскаго университета степень доктора русской исторіи за свои сочиненія по русской церковной исторіи.

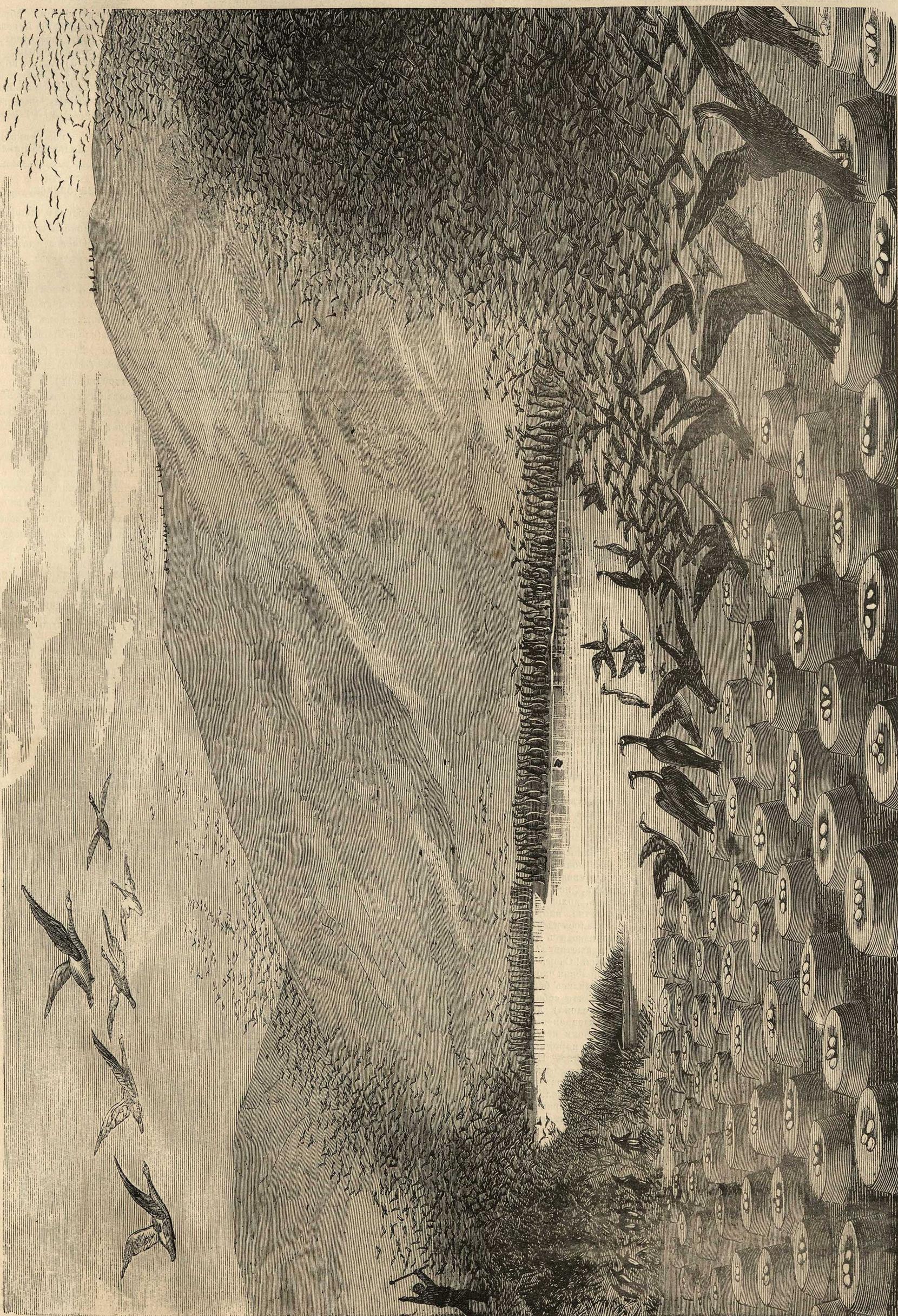
5. *Димитрій*, архіепископъ херсонскій (Муревтовъ). Родомъ изъ раззанской епархіи. Первоначально воспитывался въ епархиальной своей семинаріи и затѣмъ поступилъ въ кievскую духовную академію. Окончивъ блестательно курсъ въ академіи, онъ оставленъ былъ въ ней бакалавромъ и черезъ два года произведенъ въ профессора, что было замѣчательною рѣдкостію. Потомъ, въ той-же академіи,

быть преемственно инспекторомъ и ректоромъ, не оставляя и профессорскихъ занятій, пріобрѣвшихъ ему такую неувядаемую славу въ преданіяхъ академіи. Уступивъ свое мѣсто въ академіи архимандриту Антонію (нынѣшнему архіепископу казанскому), онъ возведенъ былъ въ санъ епископа, съ назначениемъ въ Тулу, откуда переведенъ архіепископомъ въ Одессу. Неутомимый проповѣдникъ и благосерднѣйшій человѣкъ.

6. *Антоній*, архіепископъ кишиневскій (Шокатовъ). Изъ харьковскаго бывшаго колегіума (семинаріи) поступилъ, для пріобрѣтенія высшаго образования, въ кievскую духовную академію; по окон-

Сербские виды и типы: Набережная Дуная въ Смедеревѣ.

Бакланы береговъ Гудсона залива.
(Правировалъ А. Даутеъ).

чаний академического курса, былъ профессоромъ въ полтавской семинаріи, бакалавромъ кievской академіи и священникомъ царе-константиновской церкви, что на Подолѣ за канавою. По смерти жены поступилъ въ монашество, и затѣмъ былъ инспекторомъ академіи, ректоромъ полтавской семинаріи, потомъ епископомъ волгскимъ саратовской епархіи, епископомъ оренбургскимъ и уфимскимъ, откуда переведенъ на каѳедру кишиневскую, съ производствомъ въ архіепископа.

7. **Антоній**, архіепископъ казанскій и свияжскій (Амфитеатровъ). Изъ воспитанниковъ орловской семинаріи поступилъ въ академію кievскую, въ которой былъ бакалавромъ и, послѣ ректорства въ кievской семинаріи, ректоромъ. «Догматическое его Богословіе» дало ему степень доктора богословія, доселъ столь рѣдкую у нашихъ русскихъ богослововъ. За это же свое «Догматическое Богословіе», переведенное на новогреческій языкъ, онъ получилъ греческій орденъ Спасителя. Послѣ долговременного ректорства въ академіи, произведенъ во епископа чигиринскаго, викария кievскаго; затѣмъ назначенъ епископомъ смоленскимъ и послѣ энергической дѣятельности въ Смоленскѣ обѣ улучшениіи мѣстной семинаріи и исправленіи дѣлъ мѣстнаго духовенства, переведенъ въ Казань съ производствомъ въ архіепископа.

8. **Леоній**, епископъ каменецъ-подольскій и брацлавскій. Родомъ изъ воронежской епархіи. Воспитывался сначала въ воронежской семинаріи, а потомъ въ с.-петербургской духовной академіи. Получивъ степень магистра, онъ назначенъ былъ инспекторомъ кievской духовной семинаріи, а затѣмъ академіи. Послѣ того ректорствовалъ во владимірской и новгородской семинаріяхъ. Посвященный во епископа, викария с.-петербургскаго, онъ отправился въ Парижъ для освященія тамъ православной церкви, и затѣмъ перемѣщонъ въ Каменецъ-Подольскъ.

9. **Порфирий**, епископъ чигиринскій. Въ мірѣ назывался Константинъ Успенскій; родился въ Костромѣ, отъ дьячка Александра Матвеева Успенскаго. Послѣ обучения въ костромской епархіи съ 1818 по 1824 годъ, поступилъ въ 1825 году въ с.-петербургскую духовную академію, где и постриженъ въ монашество въ 1829 году. Службу свою онъ началъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, онъ опредѣленъ былъ во 2-й кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, учителемъ закона Божія; затѣмъ, министромъ народнаго просвѣщенія, съ согласіемъ митрополита Серафима, опредѣленъ учителемъ закона Божія въ одесскій ришелевскій лицей. Здѣсь же въ Одессѣ, онъ былъ цензоромъ при мѣстномъ цензурномъ комитетѣ и настоятелемъ монастыря въ санѣ архимандрита, а также членомъ статистическаго комитета. Съ преобразованіемъ ришелевскаго лицея въ 1838 году, по новому уставу и штату, утвержденъ профессоромъ богословія, церковной исторіи и церковнаго права. Отличная служба его, засвидѣтельствованная правленіемъ лицея, обратила на него вниманіе комисіи духовныхъ училищъ, и онъ назначенъ былъ ректоромъ херсонской духовной семинаріи. Съ 1840 года началась его служба за границей. Въ этомъ году, по Высочайшему повелѣнію, онъ опредѣленъ былъ настоятелемъ церкви при Императорской миссіи нашей въ Вѣнѣ. Въ 1842 году, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ въ Іерусалимъ, въ качествѣ поклонника и въ видахъ обнаружить настоящія нужды православія въ Палестинѣ и проч. Въ 1845 году, также по Высочайшему повелѣнію, посланъ былъ въ Синай и Аeonъ, для узнанія нуждъ тамошнихъ монастырей, и спустя два года, по указу св. синода, опредѣленъ начальникомъ нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ. По прекращеніи дѣйствій нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, по случаю войны Турциі съ Россіей, возвратился въ отчество, получивъ пенсию въ 1000 р. за особые труды и заслуги. Въ 1858 г. получилъ предписаніе отправиться за границу Россіи, на востокъ, срокомъ на одинъ годъ, для собранія ученыхъ свѣдѣній о церковной архитектурѣ и живописи, для описанія церковныхъ утварей, библиотекъ и архивовъ, для возобновленія своихъ сношеній съ коптскимъ духовенствомъ, котораго внимание къ церкви нашей привлекъ прежде (въ 1850 г.). Возвратившись въ Петербургъ съ отчотомъ о своемъ путешествіи, въ 1865 году посвящонъ во епископа чигиринскаго, викария кievскаго. Пребвященный Порфирий одинъ изъ немногихъ въ Россіи антикварій, палеонтологъ, великий знатокъ восточной древности, и въ собственномъ смыслѣ полиглотъ. Петербургскій университетъ достойно почитъ его

степенью доктора греческой словесности. Въ настоящее время, преосвященный Порфирий, между прочимъ печатаетъ переводъ Библіи съ греческаго перевода 72 толковниковъ

10. **Іоаннъ**, епископъ полтавскій и Переяславскій. Уроженецъ орловской губерніи, сынъ причетника и въ мірѣ назывался Алексеемъ Петиннымъ. По окончаніи, въ 1833 году, учебного курса въ орловской семинаріи, онъ въ 1835 году поступилъ въ кievскую академію для высшаго образованія. Послѣ былъ учителемъ въ орловской семинаріи, где былъ экономъ и священникъ. По случаю вдовства пожелалъ принять монашество въ кievской епархіи, и получивъ монашество опредѣленъ былъ смотрителемъ кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1850 году, еще раньше произведенный въ архимандрита, Иоаннъ назначенъ былъ ректоромъ екатеринославской семинаріи, где оставилъ по себѣ добрую память свою дѣятельності. Послѣ того, по ходатайству митрополита кievского Филарета, определенъ намѣстникомъ кіево-печерской лавры въ 1852 году. Затѣмъ, въ 1862 году, назначенъ былъ епископомъ кавказскимъ, но тутъ-же послѣдовала перемѣна, и ему повелѣно быть епископомъ полтавскимъ. Полтавская паства весьма дорожитъ своимъ епископомъ, за его истинно-паstryрскую внимательность, простоту, дѣятельность и любовь къ подвѣдомому духовенству.

Выставка мелкихъ животныхъ и птицъ Общества покровительства животнымъ.

Настоящая выставка, первый въ этомъ родѣ debtъ Общества покровительства животнымъ, имѣла собственно любительскій характеръ, да и не имѣть его не могла. А между тѣмъ каждый отдельъ «мелкихъ» животныхъ могъ бы послужить предметомъ отдельной выставки, напримѣръ хоть куры. Здѣсь она получила название «собачьей выставки», но не по числу выставленныхъ экземпляровъ этого рода, что, впрочемъ, было-бы справедливо и вѣро, а потому, что этотъ, въ сущности незначительный по значенію, отдельъ привычнѣ. Мы не упомянемъ о различіяхъ породъ, отсылая читателей къ № 24 нашего журнала (статья Японскія собаки). Самыми многочисленными представителями охотничихъ собакъ явились сетеры (числомъ 15), за ними слѣдовали тоже англійскія породы теріеровъ и понтеровъ. Представителями французскихъ породъ явились лагавыя г. Бокке, парижскаго экспонента, которому вообще принадлежитъ большая часть экземпляровъ. Остальная порода, не имѣющая для насъ особаго практическаго значенія, кабанья нѣмецкая, такъ называемая сенъ-бернардская, медеянская, водолазы, также наши мѣсто на выставкѣ. Верхній ярусъ (выставка была раздѣлена на два яруса) заняли мелкія формы, китайскія левретки, японскія собаки (рисунокъ, изображающій эту породу, представленъ нами въ томъ же № 24), моськи, болонки, пуделя и пр. Въ особыхъ конюшняхъ помѣщены были разнообразныи породы гончихъ. Нельзя не упомянуть также объ овчаркахъ, чистой датской породы, помѣщенныхъ въ видахъ.

Какое-же значеніе имѣть эта выставка? Интересъ она возбудила большой, о чёмъ краснорѣчиво свидѣтельствовало число ежедневно продаваемыхъ, несмотря на высокую цену (1 р. с.) билетовъ, доходившее иногда до 400. Въ этомъ случаѣ, конечно, много значила новость предмета, но въ немъ сказалось и желаніе публикизнакомиться со всѣмъ, что производятъ Россія. Да, такъ какое-же значеніе имѣть эта выставка? Да почти никакаго практическаго. Alia tempora! Свѣрь теперь не держать, хотя кое-гдѣ и упѣлья полевая охота съ собаками, професіонисты и прежде обходились безъ помощи собакъ для охоты на птицу, такъ что собаководство (да простятъ намъ читатели это слово) является предметомъ роскоши, да и то преждевременнымъ. Впрочемъ, все-таки жалко, что на выставкѣ не было представителей характерныхъ русскихъ породъ: южной, крымской и такъ называемой горской. — На выставкѣ были также и птицы, изъ которыхъ отмѣтились только породы, имѣющія практическое значеніе: бѣлыя утокъ Е. И. В. В. К. Николая Николаевича, и другие виды той-же птицы: бернашей, караимовъ, свистуновъ, мандариновъ. Кромѣ всѣхъ извѣстныхъ породъ куръ, слѣдуетъ упомянуть о серебристыхъ, золотистыхъ и папуанскихъ. Сорты голубей и фазановъ (8 разновидностей) удачнымъ образомъ пополнили выставку. Признаемся, отдельные птицы для насъ всего важнѣе и желательно было-бы видѣть образцы отечественного хозяйства въ этомъ отношеніи. Породы куръ принадлежали главнымъ образомъ тому же г. Бокке. Но мы надѣемся дождаться когданибудь и выставки собственно домашней птицы. Особаго вниманія заслуживаетъ аппаратъ для искусственного вывода цыплятъ. Давно уже для этой цѣли устроивались особы печи, но главная трудность заключалась въ поддержаніи равномѣрной температуры въ продолженіи нужнаго времени (до 3-хъ недѣль). Аппаратъ этотъ (тоже г. Бокке) рѣшаеть задачу удовлетворительнымъ образомъ. Онъ состоять изъ ящика, (который, само собою разумѣется, можетъ быть произвольныхъ размѣровъ и вмѣщать въ себѣ нѣсколько тысячъ яицъ), поверхъ которого идутъ трубы, соединяющіяся однимъ концомъ съ котломъ,

другимъ съ холодильникомъ, гдѣ пары сгущаются, — видоизмѣненная система отопленія оранжерей. Опытъ показалъ, что необходима, равномѣрная температура должна быть 32° R.

Въ настоящемъ номерѣ мы представляемъ образчиками выставленныхъ породъ собакъ: 1) *Перотъ*, кобель медеянской породы, г. Голубкова; (золот. мед.) 2) *Лордъ*, кобель С. Бернардской породы, съ помѣстью ньюфаундлендской, г. Поста. 3) *Карро*, породы Готцъ-риденъ; (серебрян. медаль). 4) *Сънекъ*, кобель борзой породы, Великаго Князя Николая Константиновича, (серебр. медаль). 5) *Монгъ*, кобель породы мосекъ, г. Симона (бронзов. мед.) 6) *Бульдогъ Англійской породы*.

Относительные признаки и вообще классификацію, какъ сказано, см. № 24 «Всемирной Иллюстраціи».

Бакланы береговъ Гудсонова залива.

Водяная птица эта живетъ по берегамъ сѣверной Европы, сѣверной Америки отъ Гудсонова залива до Флориды, по берегамъ Индійскаго Океана, даже до Гангеса, и иногда во множествѣ встречается внутри Германіи, вдоль по большинѣ рѣкамъ, гдѣ очень вредитъ рыболовству. Быть можетъ этой своей распространенности и происходящей отъ того легкости наблюденія, птица эта обязана множествомъ своихъ имёнъ: морской воронъ, корморанъ (слово происшедшее отъ согбеніи матін), зоологическая *Halius* (рыбакъ), *Phalacrosorax* (лысый воронъ), *Carbo* (вѣроятно отъ нѣмецкаго *Scharbe*) *Hydrocorax* (водяной воронъ), и русское бакланъ. Какъ видно, всѣ названія вертятся около слова «воронъ», съ которымъ однако бакланы общаго ничего не имѣютъ, кроме чернаго цвета. Въ отдельѣ водяныхъ птицъ; бакланы принадлежатъ къ семействѣ цѣльноперепончатыхъ (*Sphenopodes* или *Totipaltes*), то есть у нихъ большой палецъ соединенъ съ остальными одною общею перепонкою. Не смотря на татуюю организацию, дѣлающую изъ ихъ ногъ наиболѣе совершенныес весла, они почти единственныи въ классѣ важныхъ птицъ; многія изъ нихъ живутъ на деревьяхъ. Бакланы, не смотря на свою пугливость, довольно легко приручаются. Въ прежнее время, въ Голландіи и Англіи ихъ дресировали для ловли рыбы. Въ настоящее время это дѣлается еще въ Китаѣ. Китайцы пріучаютъ своего баклана (*Halius sinensis*) по данному знаку, бросаясь въ воду и тотъ рѣдко выныриваетъ безъ рыбы. — Гнѣзда ихъ располагаются въ видѣ колоній; въ нихъ вѣчная грязь, изверженія, остатки гниющей рыбы, что даетъ себя знать издалека. Число яицъ 2—3.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Новое несчастіе на Мстинскомъ мосту. — Дороговизна жизни и дешевизна полотенъ. — Краснорѣвіе ихъ торговцевъ. — Три обращика столь же краснорѣвіи, что и невозможнѣ откровенныхъ объявлений о подпискѣ на газеты. — «Вѣсть» и пр. газеты, постигшіе причину пересмотра законовъ о печати. — Нижній и верхній этажи «Петербургскихъ Вѣдомостей». — Достоинство ихъ поведенія. — Что такое обрусеніе.

Со Мстинскимъ мостомъ случилось опять несчастіе. На немъ произошло столкновеніе. — Но не побѣдовъ, что было-бы физически невозможно, а столкновеніе властей. Газеты оповѣстили, что г. Усовъ, инженеръ, которому поручено возстановление этого моста, благодаря препятствіямъ, которыя ему дѣлали мѣстная предрѣждация власти, въ теченіи цѣлой недѣли не могъ приступить къ работамъ. Изъ Петербурга снова полетѣло на мѣсто событія надлежащее начальство и потому можно надѣяться, что сей конфликтъ кончится безъ всякой катастрофы и начальство воздастъ «коему-либо по дѣламъ его».

Извѣстная вещь, что несчастія для однихъ, служить очень часто во благо другимъ. Такъ и пожаръ Мстинскаго моста послужилъ многимъ въ авантажъ, но больше всего погрѣбъ на немъ руки мясные торговцы, поднимающіе во славу его цѣны на мясо и заставляющіе этимъ поститься, не въ урочное время, недостаточныхъ обывателей Петербурга. Для послѣднихъ эта зима будетъ, кажется, очень крута въ финансовыхъ отношеніяхъ. Но все ростущая дороговизна грозитъ большими дефицитами въ ихъ домашнихъ бюджетахъ. Цѣны на квартиры поднялись еще съ осени чувствительно, на провизію также... Дешевѣютъ только одни полотна, если судить по объявленіямъ. Объявленія эти стараются превзойти другъ друга въ остроумії. Знаменитый Качъ, въ этомъ отношеніи, остался далеко позади ихъ. Одинъ магазинъ начинаетъ напр. свою рекламу такъ: «П старому, и малому, и богачу, и бѣдному, и въ хату, и въ хороому,

всемъ почтеннымъ обывателямъ С.-Петербурга». Другую онъ строить такимъ образомъ: «Петербургскія тайны (большими литерами) многимъ кажутся извѣстными, а все-таки не знаютъ многіе того, что можно покупать» и т. д. Другой магазинъ увѣряетъ, что «Малѣйшая попытка» къ приобрѣтенію товара изъ его магазина — понятно что. Третій кричитъ: «Дешево продамъ, скажу и почему?» и объясняетъ это безграмотными виршами; четвертый распинается: «Нѣть силь физическихъ и нѣть возможности продать добротный товаръ дешевле нашего» и т. д. Надо полагать, что подобные объявленія все-таки достигаютъ своей цѣли, потому что они множатся болѣе и болѣе, несмотря на то, что должны обходиться дешовыми магазинами довольно дорого. Духъ реклами проиникаетъ и въ журналистику. Въ послѣднемъ фельетонѣ мы привели, какъ обращикъ, объявленіе о подпискѣ одной газетки, съ обращеніями къ по-томству; были послѣ того и другія объявленія, достаточно курьозныя; но все-таки они не достигаютъ той яркости и выразительности, какими могли бы обладать, если бы ихъ составители были по прямѣ, по откровенности и называли вещи ихъ настоящими именами. Тогда бы иная газетка могла построить такъ, напримѣръ, свою рекламу: «Нѣть силь физическихъ и нѣть возможности давать читателямъ большее количество скандаловъ за цѣну столь умѣренную, какъ наша. Громадное общественное значение скандала не требуетъ разъясненія. Редакція, стремясь и въ будущемъ году идти впереди всѣхъ на избранномъ ею поприщѣ, озабочилась пріисканіемъ собственныхъ кореспондентовъ во всѣхъ мѣстахъ стеченія народа: на рынкахъ, въ трактирахъ, банихъ, съѣзжихъ и пр. сферахъ общественной дѣятельности. Литературная сторона нашего изданія, надѣемся — оцѣнена достаточно. Въ этомъ отношеніи даже по языку, по стилю, достигающему порой изумительной выразительности и простоты, мы составляемъ одно изъ краснорѣчивѣшихъ дешовыхъ изданій. Подписка принимается кромѣ редакціи и книжныхъ магазиновъ, во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ харчевняхъ.» Таково могло бы быть объявленіе одного изъ представителей мелкой прессы.

Другая газета, колибра средняго, могла бы опредѣлить такимъ образомъ себя: «Издаваясь, вотъ уже такой-то годъ на деньги разныхъ крупныхъ господъ различныхъ національностей, я поставила себѣ цѣлью служить этимъ господамъ всѣми силами: говорить и проповѣдывать то, что имъ можетъ нравиться, что имъ желательно. Обстоятельства времени особенно благопріятствуютъ нашему направлению и потому мы остаемся вѣрны своему высокому знамени и въ будущемъ году. Инсипиаціи и доносы на однихъ, лесть и низкопоклонство передъ другими, остаются, по прежнему, неизбѣжными средствами нашей дѣятельности. Подписываться можно какъ на одинъ экземпляръ, такъ и на пятьдесятъ и болѣе, хоть до ста, въ одинъ руки.»

Третья газета, при должностномъ прямодушіи и не-обузданной откровенности, должна бы такъ, примѣрно, объясняться на свой счетъ: «Читателямъ нашимъ извѣстно то полнѣшее отсутствіе опредѣленныхъ убѣждений и ясной политической и общественной окраски, какими всегда отличалось наше изданіе. Мы просимъ ихъ и впредь не ждать отъ насъ ничего подобного, не искать въ нашей газетѣ разъясненій или опредѣленныхъ взглядовъ на волнующіе общества вопросы. Въ замѣнѣ этого, мы имъ предложимъ чистый духъ абстрактнаго либерализма, котораго, впрочемъ, просимъ не смѣшивать съ нигилизмомъ, какъ съ направленіемъ выяснившимся и обозначившимся. Отношеніе наше къ нему должно быть то же, какое имѣть высокая комедія къ фарсу. Нашъ либерализмъ будетъ заключаться исключительно въ противорѣчіи общественнымъ симпатіямъ и направленіямъ, въ подсиханіяхъ всякаго дѣла, т. е. въ стремлениіи заходить ему за спину, открывать темные стороны и промахи, въ усиленномъ раздуваніи этихъ промаховъ, въ разработкѣ грязныхъ дворовъ и навозныхъ куч всѣхъ сферъ общественной дѣятельности. Сплетня и зубоскальство получать при этомъ видное мѣсто въ нашей дѣятельности. Дурной духъ, который при этомъ неизбѣжно долженъ подниматься со страницъ нашей газеты, будеть заглушаемъ по возможности благоуханіями возведенія либерализма и либерального ерничества высшей школы. Редакція покорѣйше просить о подпискѣ, дабы не погибнуть отъ истощенія въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики.»

Такъ какъ мы уже заговорили о печати, то совершенно естественно будетъ упомянуть о томъ впечатлѣніи, которое произвело въ обществѣ извѣстіе о предстоящемъ пересмотрѣ и измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о печати 6 апрѣля. Органы нашей пресы переглянулись и оглянулись на самихъ себя, какъ бы ища другъ въ другѣ или въ себѣ причины такой мѣры; но остались все-таки въ недоумѣніи на этотъ счетъ. Одна «Вѣсть», печальної извѣстности, поспѣшила разрѣшить ее по своему. «Смѣемъ думать», докладываетъ она, — «что въ числѣ мотивовъ, вызвавшихъ предстоящую реформу, имѣли нѣкоторое значеніе дѣйствія нѣкоторой московской газеты...»

Въ слѣдъ за «Вѣстью», съ доносомъ на «Московскія вѣдомости» поспѣшило и другое не менѣе почтенное изданіе, именующееся «Петербургскю газетой» (прости Господи!) «Въ послѣднее время», пишетъ она, «рѣзкія статьи Московскихъ вѣдомостей,— о сѣверо-западномъ краѣ, носили именно этотъ вредный, этотъ возмутительный характеръ, который производилъ крайне тяжкое впечатлѣніе на каждого честнаго, благомыслия гражданина».

Но кромѣ этихъ двухъ газетъ, нашлись и другія, которые принялись трунить надъ общественнымъ интересомъ къ дѣламъ нашихъ западныхъ окраинъ и къ вопросу ихъ обрусѣнія, въ-никту, такъ сказать, «Московскимъ вѣдомостямъ», много, какъ извѣстно, занимающимся этимъ вопросомъ. «Незнакомецъ» — фельетонистъ удивительныхъ «Петербургскія вѣдомости», ломаясь на эту тему, объясняетъ съ хвастливой развязностью, что въ немъ нѣть ни малѣйшаго интереса къ обрусѣнію сѣверо-западнаго края и вполнѣ отсутствіе патріотизма. (Какое несчастіе для Россіи!). Что такое обрусѣніе? спрашиваетъ онъ дальше и между прочими опредѣленіями предлагаетъ слѣдующее, которое мы выписываемъ, какъ обращикъ остроумія этого не-безизвѣстнаго писателя: «Есть-ли обрусѣніе искусство правильно класть румяны изъ тѣхъ материаловъ, которые заставляютъ въ нашихъ сказкахъ бабу-ягу восклицать, когда она входитъ въ избу на курьихъ ножкахъ: «фу-фу-фу, тутъ русскимъ духомъ пахнетъ?» Ниже онъ ставитъ вопросъ: что такое русскій духъ? и въ такомъ не-русскомъ духѣ продолжаетъ юродствовать еще на нѣсколькихъ столбцахъ. Такое откровенное признаніе въ томъ, что человѣкъ рѣшительно не понимаетъ того, надъ чѣмъ рѣшается такъ скверно глумиться, лишаетъ его остроумничанье всякой силы. Невѣжество сего «честнаго и благомыслия гражданина» столь самодовольно, что онъ не желаетъ, по видимому, сдѣлать малѣйшихъ усилій для проясненія его; упражняясь въ нижнихъ столбцахъ пріютившей его газеты, онъ не даетъ себѣ труда познакомиться даже съ тѣмъ, что печатается въ другихъ отдѣлахъ, того-же гостепримнаго изданія. Иначе, — задача Россіи относительно ея окраинъ, выражаяющаяся словомъ «обрусѣніе», могла бы не-много разъясниться ему — ну хоть, изъ слѣдующихъ словъ одной изъ передовыхъ статей Петербургскіхъ же вѣдомостей... «въ той борѣѣ, которая завизалась теперь на нашихъ окраинахъ, Россія должна являться представительницей не одной только государственной идеи, но и идеи прогресса, идеи политического и гражданского развитія... И мало того, что она должна являться этимъ — мы смѣло утверждаемъ, что Россія, хотя трудно и медленно, уже является на своихъ окраинахъ, не исключая Польши и остзейскихъ провинцій, представительницей идеи прогресса. Освобожденіе массы населенія на окраинахъ отъ гнета привилегированнаго меньшинства, истребленіе въ этихъ окраинахъ средневѣковыхъ феодальныхъ порядковъ, отмѣна привилегій, признанныхъ вредными и незаконными, лучшее устройство земельныхъ отношеній, установленіе равноправности всѣхъ передъ закономъ и въ мѣстномъ самоуправлѣніи, распространеніе въ массахъ народа образованія, которымъ до сихъ поръ пользовались одни только высшіе классы, извѣсавшіе, однако, изъ народа средства для содержанія своихъ школъ — вотъ тѣ задачи, за осуществленіе которыхъ уже отчасти принялась Россія на своихъ окраинахъ, и которая она неминуемо должна закончить въ собственномъ интересѣ.. Если относительно современной Европы мы являемся отсталыми, и намъ часто приличествуетъ ученическая роль, то относительно средневѣковой феодальной Европы, пріютившейся на берегахъ Вислы, Аса и Западной Двины, мы должны явиться представителями прогресса, элементомъ цивилизующимъ». Но если такъ смотрѣть на дѣло

обрусѣнія въ верхніхъ столбцахъ С.-Петербургскіхъ вѣдомостей, то съ какой-же радости надъ этою-же идеей потѣшаются въ нижніхъ, и именно теперь, когда это особенно безтактно и неблаговидно. Зачѣмъ такъ спѣшатъ отчураться отъ всякой солидарности въ этомъ отношеніи съ «Московскими вѣдомостями» и «Голосомъ», давно и только съ большими — откровенностью, толкомъ и послѣдовательностью, проповѣдующими то же самое. Вотъ напр., что было высказано въ одной изъ статей Голоса въ прошедшемъ году: «Дѣло обрусѣнія нашихъ западныхъ окраинъ — одна изъ величайшихъ миссій, которая когда либо суждены были Россіи и исторіей. Оно совмѣстило въ себѣ все, что есть высокаго для человѣка и гражданина; оно такъ велико и глубоко, что въ немъ найдутъ себѣ дѣло всѣ: «и грекъ, и варваръ». Это дѣло государственное, дѣло народное, дѣло общечеловѣческое и, наконецъ, дѣло святое.

Оно дѣло государственное, на сколько обрусѣніе есть забота исключительно одного правительства, на сколько оно есть вопросъ о цѣльности и единству русской державы, и въ этомъ смыслѣ оно разрѣшается требованіемъ одной только покорности или вѣрноподданства со стороны жителей.

Оно дѣло народное, на сколько обрусѣніе есть забота русского общества, вопросъ о торжествѣ русской гражданственности, русскихъ началъ, ихъ нравственной побѣды.

Оно дѣло общечеловѣческое, на сколько заключаетъ въ себѣ элементовъ прогресса, неся материальную и нравственную эманципацію миллионамъ разнолѣтнѣхъ его жителей, выводя ихъ изъ душныхъ стѣнъ кагала, изъ мрачныхъ стѣнъ католического мистицизма, изъ низкихъ стѣнъ шляхетскихъ традицій на свѣжій и здоровый воздухъ новой и свободной жизни. Дѣло обрусѣнія есть дѣло такой же цивилизациіи нашихъ западныхъ провинций, какое совершаютъ судила намъ исторія и природа надъ нашими восточными.

Дѣло обрусѣнія — дѣло святое, на сколько касается нашей вѣры.

Такъ понимаемъ обрусѣніе мы, и вѣро, также понимаютъ его всѣ тѣ, въ комъ течетъ русская кровь и бѣтъ русское сердце».

Но не такъ должно быть понимаютъ его тѣ нравственные хлысты и литературные хлыщи, которые парадируютъ своей національной безличностью и готовы, ради краснаго словца и необузданнаго остроумничанья, замѣщаться въ ряды такихъ господъ, имена которыхъ сами-же они безпрестанно произносятъ въ бранномъ смыслѣ.

На этомъ мы и кончаемъ, не договоривши, за недостаткомъ мѣста, многаго, о чёмъ расчитывали было побесѣдоватъ съ читателями.

НОВОСТИ НАУКЪ И ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Зоологія.

Завѣдывающій тифлісскію акклиматизаціонною станціею, г. Ситовскій, сообщаетъ въ газетѣ «Кавказъ», что первый опытъ кормленія айлантовыхъ шелковичныхъ червей далъ весьма хорошие результаты. Изъ двухъ фунтовъ коконовъ,пущенныхъ на плѣмѧ, получено болѣе 30 фунтовъ сырыхъ коконовъ. Могло-быть получено вдвое болѣе этого количества, но совершенно успѣшному кормленію червей на открытомъ воздухѣ помѣщали дожди въ іюль мѣсяцѣ и вѣтры въ началѣ августа. Въ половинѣ августа, изъ коконовъ первой генераціи начали выходить бабочки вторично. По недостатку айлантовыхъ деревьевъ въ акклиматизаціонномъ саду, кормленіе червей второй генераціи, съ разрѣшеніемъ генерала Астафьевъ, перенесено въ гульбицій садъ муштаида и, по обязательному приглашенію членъ правленія кавказскаго отдѣла общества акклиматизації, Н. И. Дроздовскаго, въ садъ учрежденія почтовыхъ экипажей, где очень много старыхъ айлантовыхъ деревьевъ.

Музыка.

На концертѣ общества хорового пѣнія въ Ауклендѣ (Новая Зеландія), данномъ въ честь офицеровъ фрегата «Галатея» участвовалъ герцогъ Эдинбургскій и игралъ первую скрипку. Онъ, какъ увѣряетъ газета «Musical World», прекрасно исполнилъ свою партію.

— Давно уже ожидаемая опера Мермѣ «Іоанна д'Аркъ» окончена и будетъ поставлена на парижской сценѣ пыньюше зимою. Форъ будетъ пѣть партію Карла VI, а Нильсонъ партію Іоанны д'Аркъ.

При этомъ нумерѣ разсыпается городскимъ подписанікамъ, книжнымъ магазиномъ Э. Мелье, представника Двора Его Величества, въ С.-Петербургѣ, «Catalogue des écoles de dessin».

С.-Петербургъ: Выставка собакъ и мелкихъ животныхъ въ Октябрѣ 1869 года.
(Рисов. на дер. съ фотографіей Брюстъ-Лисицына, Н. И. Соколовъ, гравир. Л. А. Сѣряковъ).

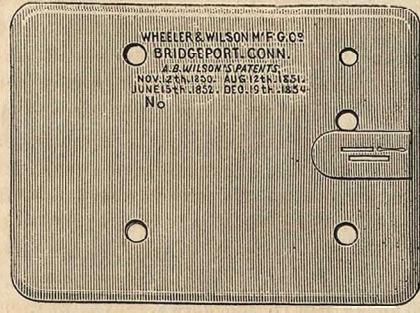
АПТЕКАРСКИЕ И БЛАГОВОННО-КОСМЕТИЧЕСКИЕ ТОВАРЫ **И. САБЛУКОВА.**

Выборная парфюмери отъ фабрикъ и заводовъ:

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи, № 39, въ С.-Петербургѣ.
Любень. Духи и помада.
Легранъ. Одезальни и кремы.
Пино. Духи Віолетъ де Пармъ.
Віоле. Мыло Тридасъ и проч. предметы.
Общества врача. Парижъ. Порошокъ зубной и прочие предметы.
Гендри. Духи разные и мыло Виндзоръ.
Пелетье. Элексиръ и оданжъ для зубовъ.
Белій. Эсъ буке.
Д-ра Эвенсъ. Порошокъ и элексиръ для зубовъ.

Д-ра Пье. Вода зубная.
Ф. Марія Фарина.
Ж. Ф. Фарина.
К. М. Фарина. } Одеколонъ.
Ж. М. Фарина № 4.
Ди-комора. Краска для волосъ Мелаженъ.
Желе. Краска для волосъ Нигритинъ.
Товарищество заводовъ Царскаго мыла.
А. Ралле и Комп. (Комисіонеръ).
С. Сіу и Комп. Шоколадъ и Драже (комисіонеръ).

НЕ ПОКУПАЙТЕ ШВЕЙНОЙ МАШИНЫ

А внутри Россіи въ агентурахъ С.-Петербургскаго депо.

Лучшимъ доказательствомъ превосходства этихъ машинъ служать обстоятельства, что ихъ находится въ употреблении болѣе 420,000 и Компания ежедневно изготавливаетъ и продаетъ 300 экземпляровъ машинъ. Въ 1867 году, на всемирной выставкѣ въ Парижѣ, машины Виллера и Вильсона, конкурируя съ 82-мя другими, получили золотую медаль (68 медаль, присужденная имъ), единственную золотую медаль, которая была присуждена швейной машинѣ, (смотр. официальный каталог наградъ).

Съ тѣхъ поръ онъ значительно улучшиены, въ особенности тѣмъ, что работаютъ безъ шума.

Посредствомъ вновь изобрѣтеннаго аппарата Бруена, на машинахъ Виллера и Вильсона можно шить шовъ тамбурный (Гровера и Бекера). Цѣна аппарата 12 руб. сер.

Чтобы предупредить публику противъ поддельныхъ, такъ называемыхъ «новѣйшихъ усовершенствованныхъ» машинъ, просимъ обратить вниманіе на то, что всякая настоящая машина имѣть на платформѣ (стальной доскѣ),

вышеозначенное фабричное клеймо, съ обозначеніемъ № машины и вышеозначенный №, еще разъ повторенный, находится подъ платформою на самой машинѣ.

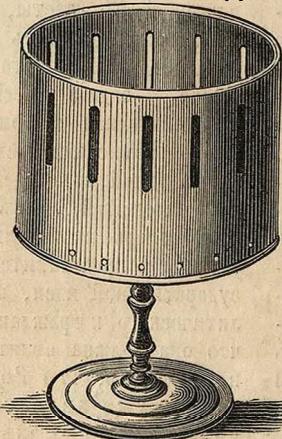
Нѣкоторые изъ тѣхъ поддельвателей даже позволяютъ себѣ ставить на платформѣ (стальной доскѣ) фальшивый № и имя Wheeler et Wilson.

Агентамъ внутри Россіи дѣлается большая уступка.

Гг. желающихъ получить агентство, за условіями просятъ обращаться въ главное депо въ С.-Петербургѣ.

Также имѣются въ продажѣ настоящія американскія швейныя машины Эліаса Хау. Г. М. Хуттона и Комп., въ Сіб., Малая Морская, д. Воронцова, № 14.

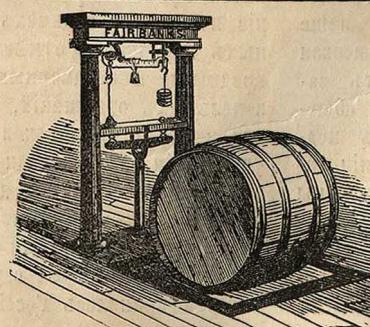
ПРИБОРЫ ДЛЯ ТУМАННЫХЪ КАРТИНЪ

Для дѣтей, состоящіе изъ двухъ фонарей, освѣщаемыхъ керосиновыми лампами, дающіе отраженіе болѣе человѣческаго роста, снабженные 6-ю ландшафтами, 3-мя механическими картинами и 3-мя хромотропами, показывающіе очень натурально и отчетливо, цѣною въ 30 руб., занимательны не только для дѣтей, но и заслуживаютъ, по своей доброкачественности, вниманія взрослыхъ и составляютъ отличный подарокъ на елку.

Господа иногородные, желающіе приобрѣсти подобный приборъ, благоволятъ присыпать на упаковку 2 руб. и за 20 фунтовъ на пересылку.

Магазинъ Оптика и Механика Двора Его Императорскаго Величества В. ВЕСТБЕРГА. (Невскій проспектъ № 5).

Г. М. ХУТТОНЪ и К°,
въ С.-Петербургѣ,

Агенты настоящихъ американскихъ вѣсовъ

Е. и Т. ФЕРБАНКСА и К°.

Гг. Директоровъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ просятъ обратить особенное вниманіе на эти вѣсы, ибо они въ большомъ употреблении на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки и въ Канадѣ. Тѣ-же вѣсы весьма пригодны гг. сельскимъ хозяевамъ.

Образцы вѣсовъ разныхъ сортовъ можно видѣть въ Малой Морской, № 14, квартиры № 17.

Г. М. ХУТТОНЪ и Комп.